

Лариса Капицына

Ловушка
для
Бесси

18+

Лариса Капицына
Ловушка для Бесси

«Автор»

2026

Капицына Л.

Ловушка для Бесси / Л. Капицына — «Автор», 2026

Книга написана в духе «старинного романа» и основана на реальных событиях, произошедших в годы первой мировой войны. Одинокaя немолодая учительница из Портсмута читает заметку в вечерней газете про серийного убийцу, который топил своих жен в ванной, имитируя несчастный случай, чтобы, став вдовцом, получить страховку. С ужасом героиня узнает на фото в газете человека, с которым она познакомилась недавно и с которым у нее завязался мимолетный роман

© Капицына Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЛОВУШКА ДЛЯ БЕССИ	6
ЭЛИС	10
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Лариса Капицына

Ловушка для Бесси

Оглавление

ЛОВУШКА ДЛЯ БЕССИ

ЭЛИС

ПЕТТИ

БЕССИ

ЛОВУШКА ДЛЯ БЕССИ

В конце сентября 1917 года, Дорис О'Райли, тридцатилетняя учительница из школы для девочек в Портсмуте, ужинала у себя в комнате и просматривала вечерние газеты.

Шел девятый час вечера, день выдался тяжелый, и Дорис хотелось поскорее доесть скудный ужин и лечь спать.

Скверную привычку читать во время еды, она переняла у покойного отца еще в детстве, в остальном, это была собранная, волевая и чрезвычайно уверенная в себе дама. По крайней мере, так говорили все, кто ее знал. Дорис тщательно поддерживала чистоту в комнате, аккуратно, день в день, вносила плату за жилье и твердо придерживалась однажды заведенного распорядка. Директор школы мистер Эванс часто говорил, что если однажды, не приведи Господь, разверзнутся небеса и все вокруг поразят громы небесные, мисс О'Райли, по утрам, как ни в чем не бывало, явится в класс, потому что не сочтет конец света достаточной причиной для неявки на работу.

Под классным руководством мисс О'Райли находились тридцать девочек из рабочих семей, и большинство из них не отличались ангельским поведением. При такой работе выдержка и крепкие нервы были просто необходимы. Дорис никогда не выходила из себя, не повышала голос и умела подчинять себе одним взглядом. Воспитанницы называли ее между собой "Железная Дорис", может, из-за холодного, непроницаемого выражения лица, а может, из-за того, что всякий раз, когда она прибегала к наказанию, ее пальцы, прохладные и жесткие, оставляли на коже весьма болезненные синяки.

Первые полосы почти всех газет были заняты освещением судебного процесса по делу Питера Смита, который с декабря 1915 года по апрель 1917 года убил трех женщин для получения страховки.

Освещение громких судебных процессов было делом модным, но мисс О'Райли считала, что газетчики наживаются на скандалах и относилась к написанному с большим недоверием. «Шокирующие заголовки, леденящие душу подробности — все это лишь для того, чтобы пощекотать нервы обывателю и увеличить тиражи», - подумала Железная Дорис и представила, что сейчас, должно быть, добрая половина Портсмута взахлеб пересказывает друг другу эту газетную чепуху.

"Смит приговорен к повешенью!", "Присяжные признали Смита виновным!", "Убийцу ждет виселица!" - кричали заголовки.

Мисс О'Райли быстро пробежала глазами одну из статей, не слишком вдумываясь в ее смысл. Она только вдруг ощутила смутное беспокойство и прислушалась к себе. Не понимая, что могло ее взволновать, она прочитала статью еще раз, более внимательно. Смита арестовали как раз в Портсмуте, на одной из центральных улиц, возле головного офиса страховой компании «Санрайс иншуранс», где он, видимо, намеревался получить деньги по страховому договору после очередного убийства.

Дорис поморщилась. Сама мысль о том, что убийца находился в этом городе, свободно разгуливал по улицам и, может быть, присматривал себе очередную жертву, была ей неприятна. И хотя Дорис редко бывала в центре (ее работа и комната, которую она снимала, располагались на окраине), ей стало не по себе.

Она мельком взглянула на фото обвиняемого и хотела отложить газету. Но сердце у нее вдруг отчаянно забилося. Дорис приподнялась со стула, в глазах у нее потемнело, и она ухватила руками за стол, чтобы не упасть. Ей стоило немалых усилий заставить себя снова взглянуть на фото, но она сделала это, и теперь рассматривала снимок во все глаза.

Она узнала его.

Конечно, это был он, мужчина, что ночевал у нее месяц назад, а утром, пока она спала, таинственно исчез. Вместе с ним исчезли ее скромные накопления и золотые часики - подарок родителей на совершеннолетие. Разумеется, на фото он выглядел не таким лощеным и респектабельным, каким запомнился Дорис. У него был затравленный и жалкий взгляд, очевидно, его засняли в момент оглашения приговора.

Вцепившись в газетный лист обеими руками, Дорис прочла статью от первой до последней буквы, хотя у нее так тряслись руки, что строчки прыгали перед глазами.

Обвинение утверждало, что Смит проделал аферу со страховыми выплатами трижды, и схема его была довольно проста. Он находил одинокую дамочку, какое-то время ухаживал за ней, а затем делал предложение. Вступив в брак, молодожены отправлялись в свадебное путешествие, во время которого наивные, ничего не подозревающие жертвы, полные счастья и радужных надежд, страховали свою жизнь, а через пару дней их находили захлебнувшимися в собственной ванной. «Убитый горем» молодожен тут же отправлялся в страховую компанию и получал деньги, согласно страховому договору.

Обвинитель, произнося свою речь, сказал, что Смит выбирал своих жертв из одиноких, немолодых, физически и духовно ущербных женщин, обделенных вниманием мужчин. Такое утверждение показалось мисс О'Райли глубоко оскорбительным.

Она подошла к небольшому зеркалу, в которое наспех смотрелась каждое утро. Светло карие небольшие глаза, пожалуй, слишком близко поставленные, широкие почти мужские брови, тонкий, хрящеватый нос... Конечно, красавицей ее не назовешь. Главное, лицо уже стало блеклым и невыразительным, утратило краски молодости и свежести, которые так нравились мужчинам. Увы! Приходилось признать, что мисс О'Райли полностью соответствовала такому описанию: она была одинока, малопривлекательна и немолода.

Дорис была не просто обделена мужским вниманием, она уже не помнила, что это такое.

Может быть, поэтому заинтересованный взгляд, брошенный на нее незнакомым мужчиной, довольно приятным, что-то перевернул в ее душе, и она поступила так опрометчиво.

Мисс О'Райли познакомилась с ним в поезде, когда возвращалась в Портсмут от своей приятельницы, такой же одинокой, как и она сама. Поймав на себе взгляд попутчика, Дорис разволновалась, а когда, помогая убрать ее саквояж, он случайно коснулся ее руки, вздрогнула и ощутила легкое возбуждение, которое так привыкла подавлять в себе все эти годы.

Ей он сказал, что его зовут Дэвид.

Попутчик представился вдовцом и пояснил, что из-за войны потерял жену и двух детей - девочек семи и двенадцати лет. При этом у него было такое убитое лицо, что Дорис немедленно прониклась к нему сочувствием и стала старательно избегать вопросов на личную тему. Дэвид расспросил ее про школу, про родных и, когда она ответила, что у нее никого нет, понимающе вздохнул и сочувственно накрыл ее ладонь своей рукой.

Он тоже сходил в Портсмуте.

Дэвид проводил ее до самого дома, и она, сама не зная для чего, указала ему на свои окна на первом этаже, а поздно вечером, уже ложась спать, услышала тихий стук в окно. Осторожно ступая по длинному, узкому коридору и освещая себе путь дешевой трехпенсовой свечой, Дорис успокаивала себя тем, что они просто мило проведут вечер в ее комнате, немного поболтают и, может быть, кто знает! понравятся друг другу настолько, что эта случайная встреча перерастет в нечто большее. Ведь они оба бесконечно одиноки в этом мире и оба ищут родственную душу, с которой можно разделить свою тоску, свое одиночество.

Но в глубине души она знала, что лжет себе, ведь с того самого момента как они посмотрели друг другу в глаза, между ними возникло влечение настолько сильное, что противиться ему было невозможно. Оказавшись в комнате, он немедленно обнял ее, поцеловал, а затем, не давая ей опомниться, вскинул на руки и отнес на кровать.

Мисс О'Райли не была склонна к необдуманным поступкам и всегда с презрительной усмешкой относилась к наивным дурочкам, которые, наслушавшись сентиментального вздора, позволяли мужчинам использовать себя. Дорис была умна, наблюдательна и всегда чувствовала, когда люди притворяются или лгут, а потому считала, что с ней ничего подобного случиться не может. Но в этом человеке было нечто настолько располагающее, что заставляло довериться ему вполне. Он как будто воплотил в себе все, что она ценила в мужчинах, был сдержан, немногословен и, в то же время, нежен.

В общем, Дорис пришла к горькому выводу, что если в один прекрасный день вас захотят облапошить, то непременно сделают это, что бы вы там о себе не возомнили.

Утром, обнаружив пропажу, она испугалась. Ведь если бы она проснулась в тот момент, когда Дэвид рылся в ее вещах, он мог запугать ее и даже избить. Он знал, что она не станет поднимать шум и звать на помощь. Ведь для нее было крайне важно, чтобы его визит остался тайным. Огласка могла повредить ее репутации.

Потом она немного успокоилась и посчитала его мелким воришкой, прохвостом, который наврал ей с три короба, чтобы пожить за ее счет. И все же... И все же она хотела верить, что, нашептывая ей ночью, какая она милая, славная и что с того самого момента, как он увидел ее, он мечтал только об одном - побыть с ней наедине, он не совсем лгал. Ведь такие слова не говорят, не любя хоть чуть-чуть...

Не переставая думать о нем ни днем, ни ночью, Дорис даже придумала ему оправдание. Может быть, думала она, Дэвид не вор, а просто человек, который попал в затруднительное положение. Ведь такое бывает очень часто, особенно теперь, когда шла война, и люди бродят как неприкаянные, без семьи, без родного дома, без работы...

Она даже надеялась (Господи, какая она была дура!), что он явится к ней однажды с виноватой улыбкой на лице и все объяснит.

Теперь, с отвращением глядя на нечеткую фотографию и желая быть честной с собой до конца, Дорис спрашивала себя: что было бы, если бы Дэвид, или как бы он там ни назывался, не сбежал утром, а остался бы? Что, если бы он стал ухаживать за ней? Она вспомнила, как неистово прижималась к нему в любовном угаре, словно стараясь воздать себе за все прошлые и будущие одинокие ночи. Если бы он захотел жениться на ней, она сделала бы все, что бы он ни попросил: вышла бы за него замуж, застраховала бы свою жизнь. Может быть, теперь ее имя тоже значилось бы в газетах, а сама она, голая и холодная, лежала бы в городском морге, и не нашлось бы ни одной души, которая пожалела бы ее или вспомнила добрым словом...

Леденящий холодок запоздалого страха пробежал у нее по спине.

Забравшись с ногами на узенькую неудобную кровать, мисс О'Райли долго и безутешно плакала над своей никчемной и жалкой жизнью.

К утру она успокоилась и перестала дрожать.

Она решила, что завтра найдет в себе силы, постарается навсегда забыть обо всем, что случилось, и к восьми часам, минута в минуту, собранная и аккуратная, явится в класс. Но сегодня она никуда не пойдет, а проведет этот день дома, в этой чертовой кровати. Она будет жалеть себя, плакать, сколько душа пожелает, и попробует понять, что же с ней произошло.

Это была уже другая Дорис. Жесткие складки залегли у нее возле губ, и уже никакая сила не могла стереть их с ее лица. Она решила, что с любовью для нее покончено...

Снова и снова перечитывая газетные статьи, она думала, что возможно, в глубине души она распушенная, неудовлетворенная истеричка, у которой под напускной сдержанностью, даже холодностью, бушует вулкан настоящих страстей. Но ведь были и другие женщины, которые доверились этому негодяю. Только им повезло гораздо меньше, и они расплатились за свое короткое счастье жизнью.

В газетах почти ничего не говорилось о жертвах Смита. Назывались только имена и возраст: Элис Барнхем, двадцати трех лет, Патриция Лофти, тридцати девяти лет, Бесси Манди

тридцати двух лет. Все они были одинокими, небогатыми провинциалками, с которых нечего было взять. Судьбы этих трех женщин как будто писались под копирку: недолгое ухаживание, скромная свадьба и упоительный медовый месяц, который обрывался так страшно.

Никто не интересовался личностями погибших, точно они появились на свет, чтобы сыграть свою роль в этом жутком спектакле и исчезнуть, так же незаметно и тихо, как прожили свою жизнь. У публики, смаковавшей подробности, сложилось впечатление, что они были глупыми, наивными, сексуально озабоченными и радостно, точно мотыльки, летели навстречу смерти. Им никто не сочувствовал, их никто не жалел и о них забыли сразу, как только судья вынес приговор.

Между тем, это были три совершенно не похожие друг на друга женщины, угодившие в одну и ту же ловушку, искусно расставленную убийцей, ловушку, в которой каждая получала то, чего желала больше всего на свете...

ЭЛИС

-Мисс Барнхем! Вас срочно зовет к себе доктор Келли.

-Как дела, Дьюи?

-Плохо, мисс Барнхем. Почти всю ночь не спали. Поступило много раненых. А лейтенант Кросли бредил ночью, и у него жар. Должно быть, будут делать повторную операцию.

-Господи, какой ужас! Ведь ему только три дня назад отняли ногу!

-Доктор Келли говорит, что гангрена поднялась выше и, если дошло до брюшной полости, то операция ему не поможет.

-О! Зачем же тогда мучить его?

- Всегда есть надежда...

Таковыми словами перекидывались работники госпиталя с утра. Те, кто пришел утром, говорили бодро, те, кто дежурил ночью, валились с ног от усталости и разговаривали тихо и неохотно. Госпиталь напоминал огромный улей, где с утра до поздней ночи сновали взад и вперед люди, толкали друг друга, кричали, бегали по длинным, узким коридорам. Кто-то выздоравливал, кого-то готовили к операции, кого-то ругали за медлительность. Врачи и санитары выбегали на улицу покурить между операциями. Медсестры носились как угорелые с чистыми бинтами, с носилками, с окровавленными простынями.

Элис Барнхем видела эту картину каждый день. Иногда утром, как сегодня, иногда вечером. Она так привыкла к людским страданиям, что почти не обращала на них внимания, а ведь первые недели работы в госпитале были для нее очень тяжелыми. Вид крови, гноящихся ран, тяжелый запах и самое страшное - тела умерших людей! Ко всему этому нелегко привыкнуть. Но она привыкла.

В госпитале ее очень любили. Не только за добрый нрав, но и за необыкновенную внешность, которой наделил ее господь. Если и было в госпитале что-то жизнеутверждающее, так это мисс Барнхем.

Элис всегда хотелось думать, что она похожа на свою мать, которой уже давно не было на свете. В раннем детстве у Элис еще сохранялись обрывки воспоминаний, но однажды, когда ей было лет семнадцать в один из таких дней, она честно сказала отцу:

-Знаешь, папа, а ведь я ее совсем не помню, - и улыбнулась виноватой улыбкой.

Мистер Барнхем тогда печально покачал головой.

-Ты не виновата, дочка. Ты ведь была совсем ребенком, когда она покинула нас.

-А какой она была? Я на нее похожа?

-Что ты! Она была светловолосой, и у нее были большие голубые глаза. И такая хрупкая, тоненькая, как вишневое деревце. Здоровье-то у нее было слабенькое, оттого она и покинула нас так рано.

Элис вздохнула тогда. Значит, они были совсем не похожи, потому, что она была брюнеткой среднего роста, чуть полноватой, с высокой большой грудью и тонкой талией. Красоту ее ног оценить было довольно трудно из-за длинной пышной юбки и накрахмаленного передника, спускавшегося почти до самого пола. Но все не сомневались, что ноги у нее тоже очень красивые. Однако самым замечательным было ее лицо - такое чудесное, нежное с большими карими глазами и тонким чуть вздернутым носиком, с пухлыми губами. А уж если мисс Барнхем улыбалась, то всем открывалась ее ослепительная белозубая улыбка и ямочки на щеках. В госпитале не было ни одного мужчины, который мог бы остаться равнодушным к ее красоте.

-Доброе утро, мисс Барнхем!

-Позвольте вам помочь, мисс Барнхем, голубушка!

-А вот и мисс Барнхем заступила. Теперь день пойдет веселее.

Правда мужчины есть мужчины, особенно военные. Их вниманием не были обделены и менее красивые девушки, работавшие медсестрами и помощницами врачей. Люди изголодались по любви, и, не смотря на страдания, кровь и смерть, воздух в госпитале был словно пропитан любовью.

Мужчины вели себя здесь по-особенному. Среди них попадались и красивые и не очень, из богатых и совсем бедных семей. У кого-то были жены и невесты, а кто-то был всегда одинок. Но здесь они словно забывали об этом. Каждый делал вид, будто сестра из госпиталя Баземптона, даже самая некрасивая и непривлекательная - предел его мечтаний. Начинались ухаживания, записки с признаниями, попытки назначить свидание. Многие девушки попадались на это. Например, Мэри Грант сошлась здесь с одним капитаном, ухаживала за ним как за ребенком (у него было ранение в бедро) и, конечно, переспала с ним несколько раз. Она рассчитывала, что как только он поправится, они смогут пожениться. Может капитан ей пообещал, а может Мэри сама себе нафантазировала. Только, когда он поправился, за ним приехала жена. Капитан любезно представил ей Мэри.

-Вот, дорогая, эта девушка выходила меня. Она просто ангел. Без нее я бы точно пропал.

-О! Благодарю вас! - супруга капитана схватила Мэри за руку и энергично потрянула ее. Она ни о чем не догадывалась. -Вы такая милая!

Капитан и его жена оставили Мэри в знак благодарности немного денег. Потом они, счастливые и веселые, покинули госпиталь, а Мэри долго плакала в перевязочной, с отвращением глядя на тоненькую грязную пачку на краю стола.

В госпитале долго обсуждали этот случай, и у всех было разное мнение. Одни говорили, что капитан негодяй и поступил с Мэри очень подло. Другие посмеивались и считали, что Мэри сама хотела "поймать" его, но он оказался умнее.

-Ей еще повезло, что она не забеременела, - утверждала Лиза Уоллес, девушка симпатичная и весьма уверенная в себе. - Полгода назад одна сестричка уволилась, потому что осталась с ребенком, а ее сержант уехал домой и думать о ней забыл.

-Разве нельзя было пожаловаться начальству? - робко спрашивали девушки.

-Девушка должна сама думать головой. Вот ты, Кэти, прямо таешь, когда лейтенант Аллен пишет тебе любовные записки и целует тебе ручки.

-Я ничего такого ему не позволяю! - возмущенно оправдывалась Кэти, миловидная толстушка лет двадцати трех.

-Все так говорят! - отмахивалась Лиза. - Начинается с записок, а кончается ребенком.

Девушки задумывались. Почти у каждой был в госпитале поклонник или мужчина, который ей очень нравился. Наслушавшись таких разговоров, каждая твердо решала про себя, что не позволит ему вольностей, пока он не сделает предложение. Остаться одной с ребенком в такие тяжелые времена - участь, которой никому не пожелаешь.

Но проходили дни, и все забывалось. Кто-то не мог устоять против ласковых объятий и красноречивых обещаний. Кто-то добивался своего и, дождавшись предложения, уезжал со своим женихом или мужем начинать новую жизнь.

Все это было не для Элис.

Ведь у нее был Грем - самый лучший мужчина на свете.

Скоро, совсем скоро она выйдет замуж, и уж Грем-то ее точно не обманет.

Она даже не старалась быть верной, потому что для нее на свете был один мужчина. Она с легкостью отшивала всех ухажеров и вела себя с ними как с маленькими детьми, беспомощными и глупыми. Поведение ее было настолько безупречным, что вскоре и раненные почувствовали, что добиться внимания мисс Барнхем, пожалуй что, невозможно. Они были почти-тельны и смотрели на нее с обожанием, но никогда не пытались приставать к ней, предпочитая заняться кем-то более доступным.

Все вокруг говорили, что война продлится недолго, и после тяжелой зимы, полной сплошных ограничений и дурных вестей, город словно оживал. Вечерами везде можно было видеть обнимающиеся парочки. Девушки старались одеваться понаряднее и веселыми стайками бегали по городу в поисках кавалеров. Единственный кинотеатр в городе по вечерам был заполнен до отказа. Молодые люди и девицы только и ждали, когда в зале погаснет свет, чтобы, забыв про фильм, целоваться в свое удовольствие.

Пожилые горожане относились к такому поведению критически. Взять хотя бы отца Элис. "Девицы точно с ума посходили, - частенько ворчал он. - Готовы повеситься на первого встречного. Совсем забыли о стыде и скромности". Он никогда не говорил с Элис о том, что она должна быть скромной и высоко ценить свою честь. Он верил в ее добродетель. Элис была так непохожа на всех этих сумасшедших девиц, что носились по городу, размалеванные, с пышными прическами. Он даже представить себе не мог, чтобы его дочь могла кокетничать, завлекать... Для этого она была слишком простодушна, слишком чиста. И взгляд у нее был такой безмятежный, такой открытый, что он не сомневался в ее добродетели. Впрочем, если она надевала новую юбку или шляпку помоднее, он оглядывал ее недовольным взглядом. "Зачем ты так нарядилась, дочка? Не стоит привлекать к себе внимание. Ты и так красивая девушка. Слишком яркий наряд тебе ни к чему". Иногда по простоте душевной Элис рассказывала ему, что какая-нибудь девушка из госпиталя попала в затруднительное положение, он слушал ее тогда очень внимательно и обязательно говорил: "Что ж, Элис, она сама виновата. С порядочной девушкой ничего подобного случится не может". От его слов веяло такой убежденностью, что она верила ему. Но, когда утром, по дороге на работу, Элис видела целый поток женщин, красивых и не очень, молодых и в годах, каждая из которых мечтала только об одном - встретить своего Джона или Питера, завести семью, детей, она начинала сомневаться в его правоте. Их было так много, а молодых здоровых мужчин - так мало! Оставался госпиталь, в который женщин со всей округи тянуло как магнитом. Все они нанимались на добровольные дежурства по выходным и разряженные, с подведенными в соответствии с модой глазами, торчали у входа, расточая призывные улыбки и бросая по сторонам жадные взгляды. Каждая надеялась, если не найти своего суженного, то хотя бы услышать комплимент в свой адрес, увидеть улыбку, адресованную ей, прочесть интерес к своей персоне со стороны какого-нибудь мужчины, пусть даже и не очень привлекательного. Раненые, особенно из тех, что уже шли на поправку, более чем охотно шли навстречу этим желаниям. Они тоже давно, очень давно ощущали на себе отсутствие женской ласки и красоты. Правда, их намерения были более конкретными. Каждый хотел завести интрижку с Мери или Гейл, насладиться ею сполна, а потом уехать на родину и забыть о том, что было в госпитале Баземптона в 1914 г.

Каждый день какая-нибудь Мэри или Гейл уходила в подсобку, чтобы тайком поплакать над своим разбитым сердцем, из-за того что ее возлюбленный уезжал навсегда или переключил свое внимание на другую девушку. Тогда Элис думала, что, пожалуй, отец прав. Эти девушки слишком доверчивы, слишком доступны.

Сама Элис вела себя очень сдержанно, хотя и дружелюбно, всячески давала понять, что не намерена принимать ухаживания со стороны солдат и офицеров. Одевалась она всегда скромно, а больничная форма и вовсе скрывала все прелести ее фигуры. Она прятала волосы под грубый накрахмаленный чепец и надеялась, что эта униформа делает ее похожей на остальных отрудниц госпиталя. Вновь прибывшие раненые, если только раны были не слишком тяжелые, конечно, смотрели на нее восторженно, но потом понимали, что у них нет шансов и оставляли ее в покое, одаривая своим вниманием девушек попроще.

Иногда, конечно, попадались очень уж нахальные типы, вроде одного капитана с легким ранением руки. Он всегда так нагло осматривал ее с головы до ног, что Элис невольно краснела и съеживалась под его раздевающим взглядом. Он был дерзким, и его мало интересовало, нравится он ей или нет. Она делала ему перевязку и чувствовала, как он утыкается глазами ей

в грудь, вдыхает ее запах, шарит глазами по ее лицу, по губам и, ей казалось, что еще немного и он вопьется в ее рот своим, с маленькими черными усиками над верхней губой, которые придавали его лицу что-то зловещее. И каждый раз Элис становилось противно и немного жутко. Но она не могла даже пожаловаться на него, потому что за все время он не сказал ей ни слова. Не могла же она сказать, что он как-то не так смотрит на нее. Он и разглядывал ее не как женщину, а как добычу. Про себя она называла его самыми оскорбительными словами, которые были ей известны, но где-то в глубине души, понимала, что если, не приведи Господь, они останутся наедине, то он сделает с ней все, что пожелает. И она будет стоять как парализованная и, у нее не хватит сил ни оттолкнуть его, ни закричать. Все дело было в ощущении уверенности и силы, исходившем от него. Одним взглядом он заставлял ее опускать глаза. Элис старалась в его присутствии придать лицу строгое или равнодушное выражение, но как только чувствовала, как его глаза шарят по губам, по груди, начинала волноваться, руки становились неловкими, она роняла бинты и пинцеты. А главное, предательский румянец, густо заливавший щеки, выдавал ее с головой. Если бы не это волнение, за которое она так злилась на себя, он бы давно оставил ее в покое. Но она ничего не могла с собой поделать. Еще никто не заставлял Элис чувствовать себя такой униженной и такой... соблазнительной. Капитан замечал ее смущение и нагло улыбался. Он так опротивел ей, что одно время она даже хотела уволиться. Но вскоре его выписали, и он отбыл не то в Блэкпулл, не то в Балтимор, так что через некоторое время она и думать о нем забыла.

И все-таки, Элис нравилось работать в госпитале и ухаживать за ранеными. Как бы они себя не вели, это были герои, мужественные люди, особенно лейтенант Кросли, которому ампутировали ногу почти по колено. Осколком снаряда ему раздобило голень, началось заражение, и ногу спасти не удалось. Это был очень милый, скромный человек, еще совсем молодой, который теперь навсегда останется калеккой. Правда, Элис слышала, что он из состоятельной семьи и, ему не придется искать себе работу и беспокоиться о пропитании, но он так настрадался и принял такие ужасные мучения, что Элис было жалко его всей душой. Пока Кросли находился в госпитале, она старалась быть к нему особенно внимательной.

Сегодня быстро переодевшись в сестринской в чистую накрахмаленную форму, Элис решила проведать его.

Лейтенант ужасно изменился за эту ночь: небритые щеки ввалились, а глаза лихорадочно блестели.

-О! Милая мисс Барнхем! Элис! - страдальческое лицо Кросли расплылось в улыбке. Говорил он задыхаясь, с трудом разлепляя запекшиеся губы. - Доброе утро!

-Доброе утро, Джон!- они договорились, что будут обращаться друг к другу по имени. - Как вы?

Ему было неловко разговаривать с ней лежа, и он попытался приподняться.

-Лежите, лежите, что вы! - испуганно запричитала Элис.

-Сегодня не очень хорошо, как видите.

-А что сказал доктор?

-Боюсь, у меня не очень хорошие новости. Наверное, придется делать операцию, - у него дрогнул голос, но он заставил себя улыбнуться.

-Джон, мне так жаль! Что я могу для вас сделать?

-У меня есть к вам просьба, мисс Элис, - он нашел ее руку и пожал ее. - Могу я рассчитывать, что во время операции вы будете рядом со мной и будете держать меня за руку, вот как сейчас?

- Вы могли бы не просить меня, - Элис старалась говорить как можно бодрее. - Ведь это моя работа.

-Спасибо, большое спасибо. Я хочу видеть ваше лицо, когда я приду в себя... если, конечно, я приду в себя, - грустно добавил он.

-Не надо так говорить. Все зависит от настроения, вы же знаете.

-Вы выполните мою просьбу? - в голосе его звучала мольба. Он был так жалок и, вместе с тем, в нем чувствовалась такая воля и мужество, что она готова была пообещать ему что угодно. Элис кивнула, и он тут же выпустил ее руку.

-Ну вот, - он отвернулся от нее. - Теперь можете не обращать на меня внимания. Я буду спокоен и больше не стану надоедать вам.

Элис вздохнула и вышла из палаты. Целый день она носилась как угорелая из операционной в перевязочную, из одной палаты в другую. К вечеру, не чувствуя ног от усталости, она дотащилась до сестринской и прилегла на кушетку. Ноги у нее гудели, она чувствовала себя разбитой и уставшей, но как только она закрыла глаза, ее будто что-то толкнуло: Джон Кросли! Она ведь обещала ему!

Она вскочила, накинула легкую шаль на плечи и побежала разыскивать санитару Дьюи, который знал все на свете.

-Да, его прооперировали, беднягу, - Дьюи курил на ступеньках. -Что-то пошло не так, и он едва не отдал богу душу во время операции. Теперь он в своей палате, кажется, без сознания. Но ты сходи, проведи его. Он только и спрашивал, что о тебе.

Элис нашла Джона Кросли в палате. Он уже приходил в себя. Глаза у него были мутные блуждающие. Лейтенант всматривался в лицо девушки и как-будто не узнавал ее. Элис схватила его за руку. Рука была горячая и дрожала.

-Джон! Это я, Элис! Джон, вы меня узнаете? - она чуть тряхнула его руку и наклонилась совсем низко, чтобы ему легче было видеть ее. Он ничего сказал, только поднес ее руку к губам. Элис поняла, что он узнал ее.

Ей было жаль Джона всей душой, но выйдя из госпиталя, она сразу же престала о нем думать. Все ее мысли занимал теперь другой человек, и думая о нем, она забыла об усталости, о больных, о работе.

Прежде, когда Элис еще не знала своего возлюбленного, жизнь ее была довольно скучна. В основном, она была заполнена работой и заботой о своем старом отце. Конечно, такую жизнь нельзя назвать веселой, тем более, для молоденькой девушки, но это ее мало беспокоило. Она только боялась пропустить того единственного, который предназначен ей судьбой. Элис верила в любовь и знала, что будет счастлива рано или поздно.

Элис возвращалась домой когда уже начинало темнеть, и отец никогда не спрашивал почему она задержалась - видел по лицу, что она уставала. Она делала нужное, полезное дело, и он считал излишним надоедать ей вопросами. Он никогда не ложился спать без нее и всегда дожидался ее возвращения. И ужинали они всегда тоже вместе, в просторной гостиной, за старым большим столом. В их доме почти все было старым и обветшалым, многие вещи нуждались в ремонте или замене: расшатанная мебель старого образца, выцветшие картины на стенах. Отец и дочь так привыкли к этой обстановке, что никому и в голову не приходило что-то изменить. Во-первых, они были небогаты, а во-вторых, старик не любил швырять деньги на всякие глупости. Элис знала, будь у него хоть миллионы, он жил бы точно также, в старом доме, со старой мебелью, к которой он привык.

Элис и мистер Барнхем ужинали и расходились по своим комнатам. Он желал ей спокойной ночи и целовал ее в голову.

-Спокойной ночи, папа, - отвечала Элис и исчезала за дверью маленькой комнаты, которую отец разрешил ей обставить по собственному вкусу. Ей тогда было лет шестнадцать, и она выбрала светлые обои с голубыми цветочками, чтобы комната, в которой было мало света, не казалась такой мрачной. Теперь Элис было двадцать три, но обои ей по-прежнему нравились. Иногда, просыпаясь, она проводила рукой по голубым цветам и нежно гладила рукой нарисованные лепестки.

Оставаясь в комнате одна, Элис надевала тонкую кружевную рубашку и, сидя перед большим зеркалом, распускала свои чудесные, темные, как ночь, волосы. Зеркальное отражение было прекрасным, немного загадочным, почти мистическим. В такие минуты она думала о том, с какой радостью она подарит себя своему единственному, как счастлив будет он гладить ее длинные, спускавшиеся до самой талии волосы, целовать ее чудесные губы. Элис чуть приподнимала подол рубашки, чтобы разглядеть свои ноги, чуть полноватые с изящной щиколоткой и крошечными пальчиками. Полупрозрачная ночная рубашка не скрывала высокой упругой груди, которой Элис в тайне гордилась. Сдержанная наружно, внутренне она была очень чувственной молодой женщиной и мечтала о мужчине, который однажды обнимет ее так, как ей и не снилось.

В нерабочее время она одевалась не слишком броско, но время от времени баловала себя то новой сумочкой, то новой шляпкой.

Кстати, именно разглядывая в витрине модного магазинчика шляпку, она и познакомилась с Гремом. Элис как раз раздумывала подойдет ли темно-коричневый цвет к ее волосам, как услышала рядом с собой одобрителный возглас:

-Господи, помилуй, какая красotka!- голос был приятный и совсем не нахальный.

Элис обернулась и увидела его. Она часто вспоминала потом эту встречу и много времени спустя поняла, что Грем, не будучи красавцем, нравился женщинам именно своей манерой общения. Он разговаривал с женщинами немного свысока, как разговаривают с детьми, но ласково, никогда не смущался в присутствии женщин и не искал их расположения. И еще от него исходило ощущение уверенности и силы, которые так нравились женщинам и вызывали у них немедленное желание подчиниться. В его манерах и жестах, не лишенных изящества, чувствовалось некое благородство, что производило хорошее впечатление и располагало к нему. Несмотря на не броскую внешность (он был высокий, но слишком худощавый блондин), ему удавалось выглядеть настоящим щеголем. Он любил хорошие костюмы и дорогие галстуки, и его слабостью были начищенные до зеркального блеска туфли. Все это в сочетании с приятными манерами делало его довольно привлекательным в глазах женщин. И в тот вечер он выглядел также: в черном костюме, хотя и не новом, шелковом жилете, из кармана которого выглядывал кончик белого платка, в высокой шляпе и черных лаковых ботинках. Элис тогда взглянула на него мельком, но не стала ему отвечать. Это было не в ее правилах - разговаривать с незнакомыми мужчинами. Она сделала вид, что продолжает рассматривать шляпку. Грем перехватил ее взгляд и небрежно заметил:

-Мечтаете купить такую шляпку? Она слишком дешевая для вас. Вам нужно подыскать что-нибудь пошкарнее.

Элис промолчала.

-Если бы я был такой красивой девушкой, я бы целыми днями смотрелся в зеркало. А вы, мисс, часто смотрите в зеркало? Наверняка часто.

Элис улыбнулась тогда, и он шутливо схватился за сердце.

-Господи помилуй, какая улыбка! Просто сердце тает. Если бы я знал, что в этом городе живут такие красивые девушки, то перебрался бы сюда давным давно.

-А вы разве не здешний? - спросила Элис на этот раз заинтересованная. Она так и подумала, что он приезжий.

-Я приехал два дня назад, в поисках работы и счастливой судьбы.

-Ну что ж, - она еще раз улыбнулась. - Желаю вам удачи.

Несмотря на то, что незнакомец вежливо приподнял шляпу в знак прощания, а Элис медленно побрела вдоль витрин, она чувствовала, что он смотрит ей вслед, а когда обернулась, увидела, что он медленно идет за ней, не приближаясь, но и не выпуская ее из виду. Тогда она не обратила на это внимания, решив, что он отстанет на Рассел-роуд, самой оживленной улице города. Там было слишком многолюдно, и преследовать ее на таком большом расстоянии ему

будет неудобно. Она и в самом деле прошла по этой улице и, обернувшись, увидела его метрах в двадцати у себя за спиной. Он заметил ее взгляд и снова приподнял шляпу. Ей почему-то было приятно, что он так настойчиво продолжает сопровождать ее. Желая подразнить его, она остановилась у булочной Корфа, зашла внутрь и купила две овсяные булочки к завтраку и, когда вышла из дверей магазина, незнакомец стоял перед ней.

-Как вы меня напугали! Я подумал, что потерял вас, - у него было немного встревоженное лицо, и это вызвало у нее улыбку, но она тут же спохватилась и строго спросила:

-Зачем вы за мной идете? - придерживая одной рукой дамскую сумочку и бумажный пакет с выпечкой, другой рукой она пыталась поправить локон падавший ей на лоб. Он не смутился тогда и, просто взяв у нее из рук пакет и сумочку, ответил вопросом на вопрос:

-Вам известно, что вы самая красивая девушка из всех, что я когда-либо встречал?

-Ну и что? - Элис все больше и больше проникалась к нему симпатией, но по какой-то причине не хотела так легко обнаруживать этот факт. Ей почему-то хотелось, чтобы он знал, что она очень строгая и недоступная девушка. Но он говорил с ней, как будто не замечая ее строгости и отстраненности. Тон его был открыт и дружелюбен. Весь его вид как бы говорил: "Хочешь поиграть в недотрогу - ради бога, но я-то ведь вижу, что ужасно понравился тебе".

Остаток пути они шли уже рядом. Он нес ее пакет и, если на дороге попадались ямы или камни, так как улица не была замощена, бережно поддерживал ее за локоть. Они дошли тогда так быстро, и Элис потом никак не могла вспомнить, о чем они говорили. Она только чувствовала его ладонь, сжимавшую ее локоть, и его взгляд, полный восхищения. Никогда еще ни один мужчина или молодой человек не приводил ее в такое волнение. Остановившись недалеко от дома, Элис попросила не провожать ее дальше. Он сразу все понял и остановился.

-Вы, наверное, живете в одном из этих домов? Не хотите, чтобы ваши родители увидели вас со мной? - он передал ей пакет и с сожалением посмотрел ей в глаза. - Может быть, вы сможете выйти ненадолго? Мы могли бы прогуляться по вечернему городу и все такое... Обещаю, через час вы будете дома.

Элис покачала головой. Теперь ей ужасно хотелось остаться дома в своей комнате и хорошенько все обдумать. Но что, если он окажется не таким уж настойчивым, и она его больше не увидит?

-Я работаю в госпитале и каждый день в это время возвращаюсь с работы домой, - сказала она, внимательно разглядывая кончик своего ботинка. Ей не хотелось, чтобы он увидел, как она покраснела. - Завтра я тоже буду идти этой дорогой...

Элис медленно побрела к дому и оглянулась только один раз, когда уже открывала входную дверь. Он стоял на месте и улыбался.

Он встретил ее следующим вечером и на другой день, и на следующий. И во все последующие вечера. После работы Элис уже не шла домой, а гуляла с ним по городу, возвращаясь все позже. Отцу она говорила, что ее задерживают в госпитале. Сначала отец возмущался. Разве можно так нагружать работой молодых девушек! Но потом стал приглядываться к ней, и когда она говорила, что в госпитале ужасно много работы - недоверчиво качал головой.

Каждое новое свидание было не похоже на предыдущее. Грем был веселым и умел развеселить девушку. Конечно, он был уже не молод, но Элис этого почти не замечала. Он был сильным и мускулистым, легко подхватывал ее на руки и переносил через лужи или грязь, попадавшие на пути. Она чувствовала себя пушинкой в его руках. На какую-то секунду ей поневоле приходилось обхватывать его шею руками и почти касаться губами его щеки. Сердце ее при этом начинало так колотиться, что стук его отдавался где-то у самого горла.

-Вы такая легкая, Элис, - говорил он, аккуратно опуская ее на землю. - Прямо перышко!

Грем делал вид, что не замечает ее волнения, но Элис догадывалась, что он все понимает и в душе посмеивается над ней.

Однажды вечером, доведя ее до самого дома, Грем вдруг прижал ее к кирпичной стене и, закрыв своим телом, очевидно, чтобы ее не было видно прохожим, поцеловал. Это был очень долгий и сладкий поцелуй, такой долгий, что у Элис подкосились ноги и закружилась голова. Она еще не испытывала ничего подобного и поначалу, немного испугалась, ахнула и хотела оттолкнуть его, но потом сама обняла его за шею и прижалась к нему всем телом, растворяясь в этом поцелуе.

Вернувшись домой, она не стала ужинать и, пожелав отцу спокойной ночи, прошмыгнула в свою комнату, точно мышка. Элис закрыла за собой дверь и стояла, прижавшись к ней, тщетно пытаясь унять стук своего сердца. "Боже, что за вечер! - подумала она тогда, - Необыкновенный!" Перед ней теперь словно открылась дверь в новый неведомый мир. Она больше не была красивой, но одинокой Элис. Теперь у нее был мужчина, от которого она была без ума. В эту ночь она почти не спала и, утром первым делом подумала о нем.

-Что с тобой, дочка? - спросил ее отец, когда она в третий раз не ответила на его вопрос. - Ты сегодня какая-то странная. Молчишь все время. Почти ничего не ела. Что тебя беспокоит?

Элис испугалась, что отец может устроить допрос, и стала много и не к месту говорить, чем вызвала только еще больше подозрений.

-Да что с тобой такое? То молчишь, то тараторишь без умолку. Я тебя просто не узнаю.

Элис чмокнула его в морщинистую, гладко выбритую щеку и выбежала из дому.

День показался ей чудесным. Теперь все дни казались ей чудесными, ведь за ними наступали вечера, и Грем уже ждал ее в условленном месте. Пока было светло, он не позволял себе ничего лишнего, они только прогуливались и разговаривали. Грем немного рассказывал ей о себе. Он не так давно лишился работы и теперь хотел обосноваться в этом городе. Он снимал комнату в маленьком дешевом пансионате в западном районе Баземптона. Элис рассказала ему про госпиталь и про своего отца. В сущности, обоим мало интересовали эти подробности. Оба ждали, когда, наконец, стемнеет, и можно будет прикинуть друг к другу. Теперь Грем шептал ей на ухо всякие нежные слова, говорил, что он скучал весь день и думал только о том, что вечером сможет снова поцеловать ее.

-А ты? Ты ведь любишь меня, правда? Скажи!

-Да, Грем! Я так соскучилась! - и снова поцелуи и признания, которые вызывали у нее приятное головокружение.

Однажды Грем предложил ей зайти к нему в комнату. Совсем ненадолго. Они только посидят немногo тепле, и потом он проводит ее домой.

Элис испугалась. Она уже нарушила многие из своих давнишних табу. Целоваться с мужчиной на улице, страстно отвечать на его поцелуи, все это уже не казалось ей таким уж большим преступлением. Но пойти к нему в комнату, остаться с ним наедине - это был уже шаг посерьезней, и Элис была к нему не готова. Она отказалась тогда, но Грем с самым серьезным видом заверил ее, что ей нечего опасаться. Правда. Он скорее отрубит себе руку, чем причинит ей вред.

-Элис, тебе не нужно меня бояться. Ты же видишь, что я отношусь к тебе очень серьезно. Разве я могу себе позволить лишнее? Я ведь не мальчишка и смогу держать себя в руках, - в голосе его звучала легкая обида.

И он сдержал свое слово и не позволил себе никаких вольностей. Маленькая комната Грема освещалась только светом фонарей с улицы. Им было так хорошо вдвоем! Он держал ее на коленях и качал точно маленькую девочку. Элис казалось, что большего и желать нельзя. В этот вечер они решили, что им суждено быть вместе. Вернее, решил Грем, а Элис с ним согласилась. Он первый заговорил о женитьбе и, она поняла, что намерения у него самые серьезные.

С тех пор ее жизнь совершенно переменилась. Днем она работала в госпитале, а вечера проводила с Гремом. И только пробыв у него несколько часов, возвращалась домой, к отцу. Мистер Барнхем, по-видимому, начал о чем-то догадываться. Он стал разговаривать со своей

дочерью сухо и как будто немного сердился на нее. Его обижала ее скрытность и он видел, что в ней больше нет того простодушия, которое так нравилось ему всегда. Мистер Барнхем понял, что у дочери кто-то появился, какой-то поклонник, который ей очень нравится. Но почему она скрывает это и не познакомит их? Предполагалось, что, прежде чем гулять с мужчиной до позднего вечера, нужно было бы представить его своему отцу, но Элис явно не собиралась этого делать. Видимо, пока в ее жизни не происходило ничего такого, о чем стоило бы говорить. Так думал мистер Барнхем, умудренный жизненным опытом, пожилой человек, в то время как его любимая дочь, каждый вечер поднималась по скрипучей лестнице, ведущей на второй этаж двухэтажного старого дома, где сдавали меблированные комнаты с пансионом за два фунта в неделю. Она тихонько стучала, потому что миссис Фарлоу, хозяйка, терпеть не могла, когда к постояльцам ходили гости, и дверь тут же открывалась, словно Грем только и ждал ее стука. Он втаскивал ее внутрь и начинал жадно целовать. Потом они немного успокаивались и садились пить чай за маленьким деревянным столом. Грем спрашивал как прошел ее день, не устала ли она. Элис интересовалась не получил ли он какое-нибудь место. Потом Грем сажал ее к себе на колени - это была его любимая привычка - и они обсуждали, как им лучше обустроить свою жизнь и где найти денег на свадьбу. Грем никак не мог устроиться на работу, и его деньги были уже на исходе.

-Главное сейчас найти работу, детка, - говорил Грем. И так было с самого начала в их паре - он говорил, она слушала. - Если бы у меня было место страхового агента, как прежде, я бы ни минуты не раздумывал и женился бы на тебе. Мы бы сняли подходящее жилье, где-нибудь в хорошем районе, поближе к твоему госпиталю. А может быть, ты бы не стала работать и занималась бы домом. Вот бы славно мы зажили с тобой! Представь только, я бы приходил вечером с работы, а ты бы ждала меня с ужином. А потом мы шли бы гулять по городу, заходили ли бы в кондитерскую, выпивали бы по чашечке кофе, - у Грема даже глаза сладко прищуривались, так ему нравилось то, что он описывал. А Элис была на седьмом небе от счастья. Тихая, спокойная жизнь, полная любви! Это было именно то, о чем она мечтала.

Потом начиналось безумие, которое становилось контролировать все труднее. Грем заходил все дальше и, если Элис начинала протестовать, уверял ее, что главное не переступить черту.

-Милая, просто доверяй мне и все, - шептал он в темноте в промежутках между поцелуями. Романтические поцелуи были в прошлом. Грем уже привычным движением расстегивал кофточку и гладил ее полную грудь. Элис изнывала от его ласк и не сразу останавливала его. Однажды дошло до того, что Грем уже отнес ее на кровать и попытался раздеть. Собрав всю волю в кулак, Элис рванулась из его рук, и схватив пальто, выбежала из комнаты. Она еще помнила истории, услышанные в госпитале. Не то, чтобы она не верила Грему, нет. Просто в самую важную минуту эти рассказы напоминали ей о том, что она не замужем, а следовательно, может оказаться в такой же беде, как и любая девушка. Кроме того, Элис ужасно хотелось, чтобы самое главное случилось между ними только после венчания, чтобы Грем знал, что она честная девушка.

Грем извинился перед ней потом за этот вечер и сказал, что просто безумно влюблен в нее и поэтому ему так трудно сдерживать себя. Единственный выход для них - пожениться как можно скорее. Иначе они натворят глупостей.

Несколько дней Элис не подпускала его к себе, да и он держался весьма сдержано, но потом все повторилось, и, в сущности, их встречи стали представлять собой непрерывную борьбу между желанием и добродетелью. К концу третьей недели эта сладкая пытка изрядно утомила их обоих. Несколько раз Элис была готова уступить ему. Каждое его прикосновение вызывало в ней трепет и затуманивало разум, и все же, она понимала, что если станет его любовницей, то не сможет себя уважать потом. Что если она зебеременеет, а они все еще не будут женаты? Как она посмотрит в глаза отцу, знакомым, соседям? Грем был твердо намерен

жениться, она чувствовала, что он не обманывает ее. Но вместе с тем, он не говорил ничего конкретного, ничего определенного. Он никак не мог найти работу, но у нее создалось впечатление, что он не слишком старается. Грем хотел быть страховым агентом, но в Баземптоне была только одна страховая контора, и там в его услугах не нуждались. Значит, нужно было найти что-нибудь другое, но ни Грем, ни тем более, Элис представления не имели чтобы это могло быть. Грем читал в газете объявления о найме, но везде требовалась грубая рабочая сила, а такая работа им даже не рассматривалась.

Можно было попросить помощи у отца, но Элис догадывалась, что мистер Барнхем не одобрит ее выбор. У Грэма не было денег, не было работы, не было жилья. Вряд ли мистер Барнхем обрадуется такому зятю. Элис хотела выбрать подходящий момент, чтобы познакомиться их, но случилось так, что отец сам столкнулся с ними на улице, когда Грем провожал ее домой. Грем и мистер Барнхем посмотрели друг на друга долгим изучающим взглядом. Грем почтительно приподнял шляпу, мистер Барнхем не ответил на приветствие и пошел к дому, сухо напомнив Элис, что уже поздно. У Элис упало сердце. Два ее самых любимых мужчины не понравились друг другу. На губах у Грэма застыла ироническая усмешка, полная презрения.

-Какой напыщенный старикан! - произнес он и, пожав руку Элис, скрылся за углом.

Элис зашла в дом и, усадив отца в большое старое кресло, стала говорить с ним.

-Папа, я люблю этого человека. Он тоже любит меня и хочет на мне жениться.

-Что же, это и есть тот самый тип, из-за которого ты так поздно возвращаешься домой?

-Да, папа, - Элис решила не обращать внимания на его колкости, - Он тебе чем-то не понравился?

-Да всем, - мистер Барнхем неторопливо закурил трубку. - Во-первых, он тебе в отцы годится. Ему же наверное лет сорок, а то и больше.

-Грему сорок лет, отец. Но если дело только в этом, то я не вижу тут ничего страшного. Ты ведь тоже был старше мамы на десять лет. Мне всегда нравились мужчины постарше, они как-то более надежны. Я уже насмотрелась на своих ровесников в нашем госпитале. Они все такие легкомысленные болтуны!

-Легкомысленные болтуны, которые отдали долг родине и пострадали за нее. А этот проходимец, наверное, ни дня винтовки в руках не держал? Ты спросила у него, почему он не в армии?

-Я не знаю, папа, - Элис немного растерялась. Сидя напротив отца, она испытывала нарастающее раздражение от того, что ей приходится оправдываться и выслушивать всякие гадости о Греме. А ведь старик даже не знал его! Откуда же в нем столько злости? - Я обязательно спрошу у него, если тебе это интересно. Лично мне это не интересно, но я спрошу.

-Ну, хорошо, - кивнул мистер Барнхем, - А чем он занимается? Это ты хотя бы знаешь?

-Конечно, знаю. Он работал страховым агентом в другом городе, но работу потерял. Теперь надеется найти себе место здесь.

-Хм... Где же он живет?

-Он снимает комнату на западной стороне.

-Меблированную, - разочарованно подытожил отец.

-Это временно, пока он не найдет работу, - убеждала Элис. - Скоро он встанет на ноги и...

-Никогда этого не случится, - убежденно сказал мистер Барнхем. - Человек, который до сорока лет не обзавелся ни домом, ни работой - ничего не достигнет в будущем. Все, что ему осталось - это пристроиться за чей-нибудь счет. Желательно за счет какой-нибудь вдовушки постарше. Только при чем здесь ты, такая молодая, красивая. Это уж слишком лакомый кусок для этого тощего кота.

-Папа! Пожалуйста, не говори так! - в голосе Элис теперь звучали истерические нотки. - Грем очень хороший. Мне никто кроме него не нужен. Так и знай! Он очень хочет работать, просто сейчас такие времена, найти работу очень трудно.

-Трудно найти работу лентяю и прохвосту. Никогда моя дочь не выйдет за него замуж!
- Мистер Барнхем закурил трубку и закашлялся.

-Ну, зачем ты куришь, папа? - укорила его дочь. - Теперь будешь кашлять до самого утра.
Элис потянулась за трубкой, но отец с таким раздражением оттолкнул ее руку, что она невольно отступила.

-Оставь меня в покое! Я не нуждаюсь в твоей заботе, - он поднялся с кресла и ушел в свою комнату, напоследок громко хлопнув дверью. Элис еще долго слышала за стенкой его глухой кашель.

Утром мистер Барнхем не сказал дочери "доброе утро", как делал это много лет подряд. Элис вздохнула и даже не стала пить чай. Нужно было до работы забежать к Грему, а времени оставалось совсем немного.

-Милый, я ужасно спешу, но не могла не зайти к тебе. Как ты? - не раздеваясь, она прошла в комнату и присела на стул. Грем встретил ее ласково, но не так восторженно как обычно. Элис сразу поняла, что он оскорблен и обижен.

-Право, не знаю, Элис, человек я как будто неплохой, ни в чем таком не замечен, а он посмотрел на меня как на последнего негодяя. Даже на мое приветствие не ответил. Что я ему сделал, скажи? - Грем, без пиджака и жилета, в белой рубашке и костюмных брюках со штрипками, прохаживался по комнате. Иногда, когда на лоб ему падала светлая прядь, он нервно встряхивал головой и запускал руку в волосы. Вся его фигура выражала крайнюю степень досады.

-Пожалуйста, милый, не обращай на него внимания. Он всегда был таким, немножко странным. Он очень недоверчивый человек. Со временем, я уверена, когда он узнает тебя получше...

-Ну, уж нет! Больше я его видеть не намерен. Слишком много он о себе возомнил.

-Как же мы теперь сможем пожениться? - Элис смотрела на него умоляющими глазами.
- Ведь у тебя пока нет работы, а я получаю всего пять фунтов в неделю. Этого нам не хватит, чтобы жить вдвоем. Ведь надо платить за комнату и за стол...

-Не волнуйся, детка! Поди сюда. Вот так. Поцелуй меня. А теперь иди в свой госпиталь и предоставь все мне. Я что-нибудь придумаю. Обещаю, я женюсь на тебе с согласия твоего папаши или без него.

Прошел день, второй, третий, а там и неделя, но Грем так и не предложил ничего путного. По правде говоря, все, что он придумал - это как нажать на старика, чтобы он раскошелится. Самым подробным образом, расспросив Элис об их с отцом финансовом положении, он особенно заинтересовался ста фунтами, скопленными Элис за несколько лет и находившимися теперь в распоряжении мистера Барнхема. Вот если бы Элис сумела вытребовать эти деньги, они смогли бы пожениться и снять приличную комнату или даже квартиру!

Элис была немного разочарована. Она рассчитывала, что Грем согласится на любую работу, хотя бы и тяжелую, но он ничего такого не предлагал. А пытаться надавить на мистера Барнхема, было все равно, что пытаться сдвинуть стену.

Элис с отцом теперь почти не разговаривали. Так было и прежде, но теперь тишина в доме стала гнетущей. Если же они начинали разговаривать, все заканчивалось ссорой. Мистер Барнхем обвинял дочь в легкомыслии и глупости. Он никогда не думал, что она может связаться с таким ничтожеством. Не имеет ни работы, ни дела, а разодет как фронт! Так наряжаться, когда кругом разруха и столько горя! И такой неприятный, ускользающий взгляд! Предлагает девушке жениться, не имея даже собственного угла. Наверняка рассчитывает поселиться здесь и жить припеваючи за их счет. Отец кричал, что она так одурела от своего ухажера, что уже, наверное, спит с ним во всю. Пусть пеняет только на себя потом, и не рассчитывает на его помощь. Он не станет помогать глупой, наивной девчонке, которая решила собственными руками погубить свою жизнь.

Старик всегда любил ставить точку в разговоре, но теперь Элис убегала в свою комнату, не дослушав его и громко хлопнув дверью. Она начинала ненавидеть отуа, потому что он никак не хотел ее понять. Если бы у них с Гремом было хоть немного денег, она, не раздумывая, ушла бы от него к своему возлюбленному.

К тому же в госпитале произошло событие, которое не касалось Элис напрямую, но все же ужасно расстроило ее и заставило задуматься о собственной судьбе.

Джулия Стайлз, симпатичная блондинка с небесно-голубыми глазами, так же как и Элис, работавшая медсестрой, была единственной девушкой в госпитале, которую Элис могла назвать своей подругой. Джулия была дочерью торговца скобяными товарами, у которого особенно до войны дела шли довольно бойко. Два небольших магазинчика в разных районах города приносили стабильный доход и позволяли мистеру Стайлзу дать двум своим дочерям вполне приличное воспитание. Девочки росли в строгости и в соответствии с правилами приличия, поэтому работа в госпитале не слишком приветствовалась. Джулия и Элис по своему социальному происхождению были наиболее близки и поэтому стали подругами. Иногда они вместе ходили домой, только Джулия раньше сворачивала влево на Калвер-стрит, а Элис шла дальше. Они обе немного свысока смотрели на остальных девушек, работавших в госпитале, и старались держаться особняком, как воспитанные девушки избегают всего грубого и вульгарного. Они иногда потихоньку посмеивались над нарядами остальных девиц, над их раскрашенными щеками и губами. Ни Джулия, ни тем более Элис в этом не нуждались. Когда они шли по улице, все обращало на них внимание, так красиво они смотрелись вместе - нежная, утонченная блондинка и пышная, яркая брюнетка. Обе высокие, стройные, с чистой матовой кожей и белоснежными зубами. Офицеры брали под козырек и улыбались, солдаты одобрительно свистели им вслед. Но обеих это только забавляло.

Джулию, скрытную по натуре девушку, давно угнетала домашняя обстановка и тиран-отец, который ей шагу ступить не давал. Работа в госпитале позволяла хотя бы ненадолго вырваться из-под его надзора. Джулия с детства привыкла скрывать свои мысли и желания и потому была не слишком общительной, но с Элис она охотно дружила, хотя никогда не поверяла ей своих тайн и душевных терзаний. Элис была более открытой и сразу рассказала ей про Грема. Она лишь утаила, что посещает его комнату по вечерам, потому что боялась, что Джулия станет ее осуждать.

Однажды утром, во время обхода, как раз когда доктор Келли попросил сделать одному раненому перевязку, Элис и Джулия сопровождали его. Перевязку следовало сделать давным давно, но обе забыли об этом, и теперь доктор распекал их за это. Джулия держала в руках поднос с инструментами и бинтами, а Элис торопливо разматывала старый бинт. Вдруг Джулия согнулась пополам и, бросив поднос на соседнюю кровать, опрометью бросилась из палаты. Элис и доктор растерянно переглянулись. Доктор Келли подумал, что чувствительная девица расплакалась из-за его грубого тона.

-Голубушка! - обратился он к Элис, мягко дотрагиваясь до ее руки. - Я все сделаю сам. Пойдите и успокойте ее, ради бога. Какая нервная девушка, как можно с такой психикой работать в больнице? - и он осуждающе покачал головой.

Элис нашла Джулию в сестринской, как и предполагала. Она приоткрыла дверь и услышала, что Джулию несколько раз стошнило на кучу ветоши, брошенной на полу.

-Ради бога, закрой дверь! - успела сдавленно крикнуть Джулия между мучительными спазмами.

Элис в тревоге сбегала за стаканом воды и, усадив бедняжку на стул, приоткрыла окно в комнате. Джулия немного успокоилась и стала приходить в себя.

-Что с тобой, милая? - Элис присела рядом и взяла подругу за руку. - Ты что, заболела? Вот мокрое полотенце, оботри лоб.

Джулия сидела тихо, не поднимая глаз.

-Я не заболела, нет, - она покачала головой и, уткнувшись лицом в мокрое полотенце, заплакала. Элис хотела обнять ее, но она отстранилась и, полная решимости, выпрямилась на стуле.

-Я расскажу тебе все. Но ты должна дать мне обещание, что никто не узнает о нашем разговоре.

-Ты могла бы не просить меня, дорогая. Ты же знаешь, я не из болтливых. Ну, скажи, что с тобой случилось?

Джули вздохнула, собираясь силами. Было видно, что признание давалось ей нелегко.

-Знаешь ты капитана Майлза?

-Того, который влюблен в тебя? Конечно, я знаю. Его плечо почти зажило, и доктор готовит его на выписку...

-Так вот. Он... не слишком хорошо обошелся со мной, понимаешь?

Элис прекрасно поняла, что значит эта фраза, и в ужасе зажала рот руками.

-Как же так, Джули? - тихо спросила она. - Ведь он тебе даже не нравился. Ты всегда смеялась над ним. Говорила, что он некрасивый и слишком маленького роста, и...

-Оставь, Элис! - Джули иногда бывала очень раздражительной. Вот и теперь она смотрела на подругу почти с неприязнью. - Мало ли что я говорила! Он с самого начала нравился мне. Я просто старалась это скрывать, вот и все.

Элис знала капитана Майлза. Она видела его в палате несколько минут назад. Весь госпиталь знал, что он влюблен в Джули. Он никогда ничего не говорил, но всегда смотрел на нее подобострастно как на богиню. В его голосе, в его глазах было столько страсти и мольбы, что даже Элис подчас становилось жаль его. Джули же, казалось, была к нему совершенно равнодушна и не замечала его вздохов и взглядов. Когда она отходила от него с надменным видом, у него было такое убитое лицо, что на него было жалко смотреть. Элис сама просила подругу быть с ним чуть-чуть поласковее. Как-никак он был героем войны, доблестным воином, к тому же получившим ранение. Он заслуживал хотя бы более дружелюбного отношения к себе. Джули только улыбалась и даже иногда жестоко высмеивала его. Поэтому услышав, что капитан доставил ей неприятности, Элис была безмерно удивлена. Все-таки Джули была очень скрытной девушкой, и под этой красивой оболочкой, похоже, скрывались нешуточные страсти.

-Месяц назад он написал мне письмо. Он передал его через своего подчиненного, и я прочла его. В этом письме он писал, что безумно влюблен в меня и что, если я не соглашусь встретиться с ним, то он покончит с собой. Это было очень странное письмо. Он писал, что я снюсь ему каждую ночь и... словом, там были такие слова, которые я не могу тебе пересказать. Он думал обо мне день и ночь, и эти мысли сводили его с ума. Помнишь, одно время он так похудел и осунулся, что все подумали, что он снова заболел? Я прочитала это письмо и уже не могла отказать ему. Я согласилась с ним встретиться в городе, как только он получит увольнительную. А ты знаешь, как мне нелегко выкроить время вечером. Отец мне шагу не дает ступить без разрешения, только и делает, что спрашивает, куда я пошла и когда вернусь. Но я как-то ухитрилась, сказала, что мне надо подменить одну девушку в госпитале.

Джули перемежала свою речь горькими вздохами и изредка поднимала на Элис свои прозрачные голубые глаза, чтобы убедиться, что Элис ее не осуждает.

-Ну, вот. Мы несколько раз погуляли по городу. А потом он сказал, что снял номер в гостинице и хочет, чтобы я пришла к нему. "Что толку ходить по улицам, - сказал он. - Ведь я даже не могу дотронуться до вас". И я... пришла к нему в номер. Не стану говорить тебе всех подробностей, скажу только, что это было лучшее, что случилось со мной за всю мою жизнь! - глаза у Джули сверкнули и в голосе слышалась такая убежденность, что Элис поверила ей сразу. Разве сама она не делает теперь этого каждый вечер? Только видимо, Джули зашла слишком далеко.

Джули снова вздохнула и немного помолчала. Она сидела на стуле и нервно теребила тонкими нежными пальцами кусочек бинта, и вся ее фигура выражала крайнюю степень отчаяния.

-Я не знаю почему, но я пропустила срок, и у меня болит голова, и вот видишь, меня постоянно тошнит. Как ты думаешь, - с надеждой спросила она, доверительно коснувшись руки своей подруги, - это ведь не беременность? Я хочу сказать, ведь не обязательно это может означать беременность?

-А раньше такое бывало? - Элис ужасно хотелось сказать ей что-нибудь ободряющее, но не знала, за что зацепиться.

Джули покачала головой. Подбородок у нее задрожал, и глаза снова наполнились слезами.

-Успокойся, Джули, - Элис погладила ее по руке. - Пожалуйста, не плачь. Может быть, ты просто паникуешь. Я слышала, такое бывает.

Пока Джули рыдала у нее на плече, и ее худенькие плечи сотрясались, Элис решила высказаться напрямую:

-Слушай, Джули, беременна ты или нет, но тебе просто необходимо поговорить с капитаном. Почему бы и ему не поволноваться немножко? Он ведь тоже имеет к этому отношение. Может быть, он обрадуется, сделает тебе предложение, и тогда все уладится. Только не говори мне, что не хочешь выйти за него.

Джули взглянула на нее таким отчаянным взглядом, что у Элис упало сердце.

-Я бы пошла за ним на край света, позови он меня только. Вся беда в том, что он охладил ко мне. Я приходила к нему пять или шесть раз. И в последнюю нашу встречу он сказал мне, что больше не хочет меня видеть.

-О, Джули, но почему?

-Не знаю. Должно быть, я надоела ему.

-Все равно, - Элис упрямо тряхнула головой. В ней иногда брал верх характер отца. - Ты должна сказать ему. Не может же он жить дальше, как ни в чем не бывало?

Но Джули тоже была упрямой и посмотрела на нее, гневно сверкнув глазами.

-Я не стану ему навязываться! Не хочу, чтобы он женился на мне только потому, что я забеременела. Я сама пошла к нему, сама захотела... этого.

-Знаешь, Джули. Гордость в твоём положении - последнее дело. Слишком много унижений придется тебе пережить, если твои опасения подтвердятся, и ты останешься одна с ребенком на руках. Подумай об этом, прошу тебя. Хочешь, я сама поговорю с ним? Ты ведь даже не знаешь как он отнесется к этой новости. Может, воспримет ее с радостью... - в последнее, впрочем, Элис и сама верила с трудом.

-Ты думаешь, нужно с ним поговорить? - робко спросила Джулия. Она была в смятении, боялась сказать ему и не сказать, - Правда, Элис. Если бы ты могла намекнуть ему, может быть... Только я не стану говорить с ним. У меня просто не хватит духу.

Несколькими днями позже Элис разыскала капитана и вывела его на улицу, чтобы поговорить. Он пребывал в отличном настроении, от его любовных томлений не осталось и следа. Он был бодр, весел и почти здоров, только старательно прикрывал курткой заживающее плечо.

Выслушав Элис капитан, повел себя омерзительно. Он напрочь открестился и от Джули и от ребенка. У него нет намерения жениться в ближайшее время. А если мисс Стайлз прижила от кого-то ребенка, то пусть не рассчитывает свалить все на него, он никогда не женится на такой женщине, распущенной и легкодоступной. И он добавил такое слово по поводу мисс Стайлз, что Элис попыталась как можно скорее пропустить его мимо ушей.

-Какой же вы негодяй, капитан! - у Элис полыхали щеки от гнева.

Но он не рассердился, а посмотрел на нее с восхищением и, прижав Элис к стене, нагло улыбаясь, сказал:

-А вы - просто прелесть! Я давно вас заприметил. Вы гораздо красивее вашей подруги. Почему бы нам не прогуляться по городу сегодня вечером? Я скоро уезжаю, и мне было бы приятно провести с вами выходные.

-Лучше держитесь от меня подальше, - тихо и уверенно посоветовала Элис. – А если вы и дальше будете вести себя также мерзко, я пожалуюсь полковнику Дэвидсону. Я подниму шум и устрою скандал. Ну как, я все еще прелесть? Или ваш пыл немного поостыл?

Гаденькая улыбочка сползла с лица капитана. Он уважал полковника, а полковник не любил скандалов, неприятности были ему не нужны. Майлз отпустил Элис и сказал напоследок:

-Передайте вашей подруге, что я ее знать не хочу. Она слишком распушенная. Надо уметь обуздывать свой темперамент, - капитан усмехнулся, и слегка морщась (к вечеру у него начало ныть плечо) скрылся за дверью. Он, видимо, посчитал разговор оконченным.

Элис ничего не сказала Джули о его поведении и о тех грубых словах, которые позволил себе капитан. Она лишь сообщила ей, что на капитана нет никакой надежды, и что нужно подумать, что делать дальше. Но Джули, внимательно выслушав ее, вдруг потеряла к разговору всякий интерес. Кроме капитана, ее ничто не интересовало. Лицо ее сразу стало равнодушным и сонным.

-Все кончено, Элис. Я его потеряла. Остальное меня мало волнует.

-Что же ты станешь делать?

-Подожду еще пару недель и скажу дома все как есть.

-Джули! - окликнула ее Элис, когда та уже повернулась к ней спиной. - Ты же не сделаешь ничего необдуманного?

-Ты хочешь спросить, не покончу ли я с собой? - Джули усмехнулась. - Не бойся. Для этого мне не хватит решимости.

Через пару недель она просто не пришла в госпиталь, и доктору Келли пришлось искать ей замену.

Элис навестила ее только один раз. Она часто проходила мимо дома Джулии и знала, где она живет. Протягивая руку к звонку, она ужасно волновалась, но ей повезло, и дверь открыла сама Джули. Элис думала, что ее визит обрадует подругу, но Джули не выказала никакой радости и сказала:

-А, это ты... Подожди здесь. Я только накину что-нибудь и выйду к тебе.

Джули вышла через минуту, такая же тоненькая и изящная как всегда, только светлые волосы были теперь аккуратно забраны в тяжелый узел. На ней было простенькое, очевидно, домашнее платье и шерстяной платок, в который она зябко кутала свои худенькие плечи.

-Сядем тут, - она указала на скамейку возле палисадника. - Дальше я не пойду.

Они присели, и Элис поймала себя на мысли, что не знает как начать разговор.

-Ты не ходишь на работу...

-Отец запретил мне посещать госпиталь, - Джули отломил веточку дерева и стала отщипывать лепестки. Это была ее привычка - теревить что-нибудь в руках, особенно, в минуты волнения. Пальцы у нее чуть дрожали.

-Ты, видимо, сообщила все своим родным?

-Да. Теперь я сижу взаперти, а они решают, что со мной делать. Наверное, отправят меня к тетке в Америку, в Брайтон, а там скажут, что я была замужем, но мой муж погиб.

-Джули! - Элис ободряюще потрепала ее по руке. - Может, это не так уж и плохо? Можно начать новую жизнь, все с чистого листа, понимаешь?

-Знала бы ты мою тетку, она еще хуже, чем отец, будет следить за мной, как за преступницей. Сама она старая дева и ненавидит... распутниц, вроде меня.

Дверь распахнулась, и в проеме показалось недовольное лицо.

-Джули! Кто там? С кем ты разговариваешь?- голос был полон недоверия. Очевидно, это была миссис Стайлз.

-Это Элис Барнхем, мама. Я тебе говорила, мы вместе работали в госпитале. Она пришла навестить меня.

Миссис Стайлз натянуто улыбнулась Элис и кивнула ей головой.

-Пожалуйста, недолго. На улице становится свежо, - громко проговорила она и скрылась за дверь.

-Она делает вид, что беспокоится обо мне, - усмехнулась Джули. - на самом деле, они все, - она пренебрежительно кивнула в сторону дома, - ненавидят меня. Отец говорит, что я опозорила их и не разрешает мне обедать за общим столом, еду мне приносят в комнату. Даже моя старшая сестра теперь ненавидит меня, хотя ей-то я ничего плохого не сделала. Отец почти каждый вечер поднимается ко мне в комнату и изводит меня своими разговорами и упреками. А все потому, что он рассчитывал, что я выйду замуж за мистера Руни, его компаньона. Но теперь-то понятно, что у него ничего не выйдет. А я только рада. Видела бы ты это ничтожество: он маленький, лысый, и ему сорок девять лет. В нем нет ничего мужественного, ничего привлекательного...

Джули раздраженно взмахнула рукой и, когда рукав ее платья натянулся, Элис увидела на запястье синяки. Очевидно, мистер Стайлз в ежедневных разговорах с дочерью давал волю не только словам, но и рукам. Джули перехватила взгляд подруги, покраснела и поспешно опустила рукав на место.

Элис поражалась переменам, которые произошли с Джули за несколько дней. Лицо ее было попрежнему красиво и свежо, но имело какое-то сонное выражение, как будто Джули все было безразлично. Может быть, она плохо переносила беременность, а может, выработав в себе тупое равнодушие, ей было легче переносить домашнюю тиранию. Только один раз глаза девушки засверкали, когда Элис обмолвилась, что капитан Майлз отбыл домой, в отпуск, и его уже нет в городе.

-Вот как? - по голосу, по сторбленным плечам Джули было понятно, что эта новость для нее убийственна, но в то же время ожидаема. Когда она опустила голову, Элис заметила, что на руки Джули капнула вначале одна слеза, потом другая. Неужели вести об этом человеке все еще волновали ее? Элис протянула ей платок и погладила по плечу.

-Не надо переживать. Он причинил тебе столько горя! Лучше забудь о нем.

Джулия прижала платочек к глазам и шмыгнула носом.

-Весь ужас в том, Элис, что я не могу забыть его. Я все время думаю о нем, чтобы не делала, чем бы не занималась. Он точно приворожил меня, понимаешь? Мне ужасно стыдно любить человека, который равнодушен ко мне, но я ничего не могу с этим поделать. Родители спрашивали меня о нем, хотели, чтобы я назвала его имя, но я не говорю им, и никогда не скажу! От этого они злятся еще больше. Ох, Элис! Мне все стало безразличным, все надоело. Я хочу видеть его, понимаешь? Он необходим мне как воздух.

Они посидели еще немного. Наконец, Джулия поднялась и протянула руку Элис.

-Прощай, - сказала она. - Больше не приходи ко мне. Я теперь не слишком хорошая компания для тебя. И выходи поскорее замуж за своего любимого, чтобы не оказаться такой же дурой, как я.

Джулия развернулась и направилась к дому. Больше Элис ее никогда не видела.

Возвращаясь вечером домой и, перебирая в уме разговор с Джули, Элис не могла не признать, что, несмотря на доверчивость и неосторожность этой девушки, может быть даже, ее распушенность, в ее поступках была какая-то женская правота. Поведение Джулии не одобрялось людьми старшего поколения, зато ее легко было понять тем, кто был помоложе. Жизнь брала свое, и очень трудно было противиться своим инстинктам и желаниям.

Элис во многом винила людей старшего поколения. Если бы они лучше понимали своих детей, то многих бед можно было бы избежать. Вот хоть бы отец Элис. Он всегда говорил, что любит ее, и что она - самое дорогое, что у него есть, а стоило ей полюбить человека, его будто подменили. Он стал таким упрямым и злым, говорит ей такие грубые, такие ужасные слова! Так что теперь ей даже не хочется возвращаться домой и видеть его. Конечно, он не такое чудовище как отец Джулии, мистер Стайлз, да и она не такая неприспособленная к жизни, как Джули. Элис с детства вела дом и выполняла женские обязанности. У нее есть работа и, хотя и очень маленькая, но зарплата. В сущности, она могла бы уйти из дома хоть сегодня и обойтись без одобрения отца, но у нее не хватало смелости порвать с ним окончательно. Ведь они жили вместе сколько она себя помнила! Кроме того, отец был таким старым, что, пожалуй, нуждался в ней больше, чем она в нем. У него было слабое сердце, и Элис иногда приходилось целыми вечерами сидеть у его постели, давать ему питье и порошки, прописанные доктором, кормить его, проветривать комнату. Кто станет делать это, если она покинет его? Если бы отец не был таким упрямым, они с Гремом могли бы поселиться в их доме, и оба, по мере возможности, ухаживали бы за ним. И по вечерам отцу было бы не так одиноко! Если бы только он не был таким упрямым!

Элис все еще смутно надеялась, что отец образумится. Надо только поговорить с ним, выбрать подходящий момент, когда у него будет хорошее настроение, найти убедительные слова. Нужно будет несколько вечеров возвращаться домой пораньше. Это успокоит его, и может быть, он будет настроен не так враждебно. Но возвращаясь, она видела все тоже угрюмое холодное лицо и крайнюю недоброжелательность, так что она не выдерживала и сбегала на западную улицу, где ее ждали ласки, объятия и любовь.

А старый мистер Барнхем не спал ночами и думал. Дочь шла по скользкой дорожке, он видел это вполне определенно. Следовало поговорить с ней, образумить ее, в этом он видел свой долг, долг отца, но нужно было быть сдержанным, а ему не хватало выдержки. Мешала гордость и старческая раздражительность. Он слишком привык, что Элис слушается его бесприкословно, но теперь видел, что не имеет на нее прежнего влияния, и это глубоко уязвляло его самолюбие. Каждый вечер он давал себе слово быть более терпимым и спокойным в разговорах с дочерью, но утром, глядя, как она тщательно наряжается, как долго вертится перед зеркалом, очевидно, чтобы произвести впечатление на этого проходимца, он не сдерживался и говорил ей гадости. Весь день он корил себя за свою несдержанность и снова клялся себе, что вечером, когда она вернется, он будет говорить с ней иначе. Но вечером все повторялось, и ему никак не удавалось донести до нее свои тревоги и образумить ее. Мистер Барнхем ни на минуту не допускал мысли, что сможет принять ее выбор, он мог только уберечь дочь от ошибки, которую она намеревалась совершить. Этот мерзавец (а мистер Барнхем теперь не называл Грема иначе) никогда не переступит порог его дома и не станет его зятем. По его развязному виду, по щеголеватой манере одеваться, по той нахальной бесцеремонности, с какой он тискал руку его дочери, мистер Барнхем сделал вполне определенные выводы об этом человеке, и никакие слова и уговоры не могли бы заставить его поменять свое мнение. Его поражало, что Элис, его Элис! такая рассудительная, такая скромная, могла увлечься этим бездельником и прохвостом. Она должна была бы обратить свое внимание на мистера Вурса, владельца кондитерской с улицы напротив, их старого знакомого, который явно был к ней не равнодушен, или мистера Нича, нотариуса с Бромли-роуд, вдовца, который как раз подыскивал себе жену, как слышал мистер Барнхем. Конечно, они не были бравыми молодцами, не слишком большое значение придавали своему внешнему виду, не умели говорить дамам комплименты, а мистер Нич и вовсе был вдовец с двумя детьми, но это были надежные люди, солидные и вполне обеспеченные. В их серьезности можно было не сомневаться. Мистер Вурс прямо дал понять ему, что Элис всегда производит на него самое благоприятное впечатление, и что он в восторге от ее красоты и кроткого нрава.

"Хорошо,- рассуждал сам с собой мистер Барнхем. - Пусть не они. Пусть сердце у нее не лежит ни к мистери Вурсу, ни к мистери Ничу. Но ведь не это же ничтожество, жалкий франт, у которого нет ни работы, ни денег и который, еще не женившись, таскает ее по вечерам по городу и морочит ей голову". Он, мистер Барнхем, видит его насквозь. Ни один порядочный отец не позволит своей дочери, если только она ему не безразлична, связать свою судьбу с таким человеком.

В сущности, даже если бы они с Элис смогли бы поговорить по душам, этот разговор вряд ли принес бы пользу. Никакие родительские предостережения уже не могли образумить Элис. Мысленно она уже считала себя замужней женщиной, и брак был для нее только вопросом времени. Ее отец теперь казался ей старомодным, отставшим от жизни человеком, и она больше не могла полагаться на его слова и предостережения. Он слишком предубежден, слишком упрям и совсем не хочет понять ее.

Так получалось, что отец и дочь теперь стали почти врагами, хотя и думали друг о друге постоянно. Когда мистер Барнхем особенно донимал Элис своими претензиями, она утешала себя надеждой, что Грем сам предложит ей пожениться, не дожидаясь одобрения отца. Пусть им придется нелегко первое время, почти не будет денег и придется много работать. Но это было бы лучше, чем лелеять призрачные надежды на то, что отец одумается и поможет им.

Но Грем ничего такого не предлагал. Он никак не мог найти работу. То ли ему в самом деле не везло, то ли он был недостаточно настойчив, но место никак не находилось. Он истратил почти все деньги, что были у него и теперь частенько бывал не в духе.

-Даже не знаю, детка, почему так происходит, - говорил он жалобным голосом. - Ничего не получается, сколько я ни стараюсь. Я был сегодня в трех местах, в разных районах города. Ноги у меня просто отваливаются, так много мне пришлось ходить пешком, но мне везде отказали. Не могу же я наняться на фабрику простым чернорабочим.

Элис была с ним согласна. Представить Грема, такого модного, с такими изысканными манерами, среди этих ужасных людей, грубых, неотесанных, было просто невозможно. К тому же, он уже не мальчишка, а работа на фабрике предполагала тяжелый физический труд.

Она сочувственно брала его за голову и прижимала к своей груди, утешая как ребенка.

-Ну, милый, успокойся, у тебя все получится. Ты ведь ищешь работу не так давно. Нужно время, чтобы найти хорошее место. А я готова ждать, сколько потребуется. Во мне ты можешь не сомневаться.

Он вырывался из ее рук и раздраженно говорил:

-При чем тут это? Дело не в тебе. Просто у меня почти кончились деньги, вот и все. Мои запасы на исходе. А скоро первое число, и надо будет платить за комнату. И вообще... Мне даже не на что будет сводить тебя в кино и в заведение. Я оставил небольшую сумму, чтобы переехать в другой город. Может быть, там мне повезет больше, даже не знаю... - он в волнении запуская руку в волосы, как делал всегда, когда волновался или нервничал. О переезде, якобы запланированном им заранее в случае неудачи, он говорил давно, и каждый раз у Элис замирало сердце. Теперь, когда они собирались пожениться, она ждала, что он предложит ей поехать с ним.

-А если... если все-таки придется уехать, - робко спрашивала она, - мы поедем вместе?

Грем отвечал так туманно, так что невозможно было понять его намерения, а потребовать прямого ответа Элис боялась. Он, видимо, еще не считал ее своей женой и, наверное, вполне мог уехать один. Такие разговоры пугали Элис, заставляли испытывать волнение и желание как-то привязать его к себе, но как это сделать, она не знала. Единственное, что она могла - все время поддерживать его, чтобы он чувствовал, что может всегда на нее положиться, но моральная поддержка была ему не нужна. Когда Элис начинала утешать его, он почему-то всегда раздражался и говорил, что вместо того, чтобы говорить разные слова, она могла бы потре-

бовать у отца свои деньги. Вот это была бы настоящая помощь! В такие минуты он становился холодным и отстраненным, и Элис понимала, что он не так уж сильно дорожит ею.

Решение пришло совсем неожиданно. Хотя оно не избавляло их от проблем, но, по крайней мере, давало отсрочку, и Элис удивлялась, почему это не пришло ей в голову раньше, ведь это было так естественно. Они ведут себя как муж и жена, собираются пожениться, почему же у нее есть свои деньги, а он должен выкручиваться и нервничать, потому что у него нет своих? Все, что имела она, должно принадлежать и ему. Правда, своих денег у нее было немного, но отец каждую неделю выдавал ей небольшую сумму на хозяйство и никогда не спрашивал, как она их тратит. Расходы в ее прошлой жизни были столь невелики, что иногда у нее набегала довольно крупная сумма. Теперь она тратила немного больше, но весьма осмотрительно. "Так почему же, - спрашивала себя Элис,- я должна беречь деньги, когда Грему так трудно сейчас?"

Словом, Элис предложила ему деньги.

Грем, само собой, бурно протестовал, и они даже чуть не поссорились. Он считал, что такое предложение унижает его как мужчину. Элис была терпелива и настойчива и долго убеждала его в своей правоте.

-А если бы я попала в трудное положение? - спрашивала она, считая этот вопрос своим главным аргументом. - Разве ты не помог бы мне? К тому же, мы скоро поженемся, и у нас все равно все будет общее. Какая разница, когда мои деньги станут твоими, до или после свадьбы?"

Грем не находил ответа, он только говорил, что это неправильно и твердо стоял на своем, до тех пор, пока квартирная хозяйка, миссис Фарли, не напомнила ему, что уже третье число, а он все еще не заплатил за комнату.

Разговор состоялся в присутствии Элис в один из прелестных воскресных вечеров, когда Элис и Грем, веселые и довольные, возвращались в его комнату с пакетом горячих булочек. Они сильно продрогли и теперь жаждали выпить горячего чая и посидеть в тепле. Они уже собирались подняться на второй этаж, когда миссис Фарли внезапно преградила им путь.

-Мистер Стоккер, - сказала она деловым тоном. - Сегодня уже третье число, а вы все еще не заплатили мне. А ведь я, помнится, предупреждала вас, что не люблю двух вещей: когда сюда водят посторонних девушек и когда задерживают плату за жилье. На первое я закрыла глаза, - она выразительно посмотрела на Элис. - Но задержки с деньгами я не потерплю, так и знайте.

Это была маленькая сорокапятилетняя вдовушка, весьма деловая и предприимчивая. Больше всего она не любила, когда не получала деньги, на которые рассчитывала. С постояльцами, которые доставляли ей хлопоты и не платили в срок, она расставалась сразу и без сожаления, но Грем ей нравился. Миссис Фарли находила его весьма привлекательным мужчиной. Если бы не присутствие Элис, она говорила бы куда более любезно.

Но Элис, такая молодая, с горячим румянцем и ямочками на щеках, напоминала миссис Фарли, что она сама уже немолода и далеко не так соблазнительна. Она могла бы ходить по городу целый день, у нее все равно не появился бы такой чудесный румянец. На домовладелице было дорогое платье, и руки были увешаны браслетами, но рядом с Элис она чувствовала себя потасканной и увядшей, и это ее невероятно злило. Миссис Фарли ревновала своего постояльца к этой девушке и ненавидела ее.

А Элис смотрела на миссис Фарли с вызовом, но не потому что была красивее и моложе, об этом она не думала, а потому, что от мисс Фарли в какой-то мере зависел комфорт ее жениха, и теперь он вынужден был заискивающе улыбаться и источать обаяние. Обида за Грема заставила Элис решиться. Она открыла свою сумочку и протянула мисс Фарли несколько купюр.

-Вот, - сказала она, стараясь не смотреть домовладелице в глаза, чтобы не выдать своей неприязни, - Извините нас, пожалуйста. Это больше не повторится.

Миссис Фарли приняла это как вызов. "Я моложе и гораздо привлекательнее, чем ты. Тебе никогда не видать его. Он на тебя даже не смотрит, потому что рядом - я." Она взяла деньги и с недовольным лицом освободила проход.

-Ну что ж, - домовладелица посмотрела им вслед. - Я только люблю, чтобы совсем был порядок, вот и все.

Когда Грем и Элис закрыли за собой дверь комнаты, то оба прыснули со смеху.

-Должно быть, она влюблена в меня по уши, - тихо смеясь, сказал Грем.

-Похоже на то,- согласилась Элис. - А меня она просто терпеть не может.

Грем перестал смеяться и нежно заглянул ей в глаза.

-Сегодня ты меня очень выручила, детка. Если бы не ты, мне пришлось бы съехать.

-Ну, не думаю, - лукаво улыбнулась Элис, - Если бы ты поулыбался ей еще немного, она бы наверняка простила тебе твой долг.

-В следующий раз я так и сделаю, - Грем притянул Элис к себе и поцеловал в душистую щеку.

-Ну, уж, нет! Лучше я буду оплачивать твоё жильё, так мне будет спокойнее. Я хочу, чтобы ты улыбался только мне.

С этого момента началась новая пора в их отношениях. Элис каждый вечер оставляла у него на столе два фунта и покупала продукты, а на следующей неделе без напоминаний разыскала миссис Фарли и отдала ей деньги. Миссис Фарли было глубоко наплевать, кто именно платит ей, и она молча взяла деньги. "Наверное, он ужасно хорош в постели, если эта девица готова платить за него из собственного кармана, - подумала она, перебирая в руках купюры. - Какое падение нравов!>

Решение иметь общие деньги во многом изменило ситуацию, по крайней мере, Грем мог теперь спокойно искать работу, не особенно задумываясь о завтрашнем дне. Но натура его была такова, что, как только финансовый вопрос становился хоть немного менее острым, Грем тут же забывал об экономии. Ему захотелось купить Элис ту самую модную шляпку, из-за которой они познакомились. Оказалось, что шляпка ей не идет, и они купили другую, почти в два раза дороже. Грем буквально силой заставил Элис купить ее. Потом ему понравился белый шелковый шарф, и после шляпки она уже не смогла ему отказать. Они покупали конфеты в красивых коробках, перевязанных ленточками, очень вкусные, но ужасно дорогие, заходили в паб или кофейню. Иногда, когда они возвращались домой (Элис теперь называла маленькую комнатку Грема домом), у них почти совсем не оставалось денег. Это беспокоило Элис, но не слишком сильно. Просто Грем хочет произвести на нее впечатление, вот и все. Когда они поженились, она обязательно растолкует ему, что ни цветы, ни конфеты, ни шляпки не имеют для нее большого значения, и без всего этого она вполне может обойтись.

Но сейчас Элис ничего не могла сказать Грему, слишком грубо было сначала дать ему деньги, а потом указывать, как их тратить. Это могло оскорбить его. И Элис молчала, но всегда, когда Грем вводил ее в непредвиденные расходы, про себя соображала, на чем она могла бы сэкономить, чтобы им хватило до зарплаты в госпитале или до тех пор, пока отец не выдаст ей деньги на хозяйство. Пару недель ей удавалось выкручиваться. Но однажды, когда она уже подходила к лавке Уоллиса, где много лет покупала продукты, Элис заглянула в кошелек и обнаружила, что денег у нее почти не осталось. Завтра следовало заплатить за комнату Грема и купить еду и для него. Немного поколебавшись, Элис сделала выбор в пользу своего возлюбленного и не стала тратить оставшиеся деньги, а попросила мистера Уоллиса обождать с оплатой. Уоллис, знавший Барнхемов много лет, охотно пошел ей навстречу.

Элис теперь возвращалась домой почти ночью, и мистер Барнхем уже не дожидался ее возвращения как прежде. Ссоры с дочерью и одиночество сделали свое дело - здоровье его сильно ухудшилось, и однажды, когда Грем провожал Элис до дома, ей навстречу вышла миссис Фарнсворт, пожилая дама из дома напротив.

-Мисс Барнхем! Добрый вечер! Как хорошо, что я вас увидела. Мне нужно сказать вам что-то важное. Вашему отцу сегодня стало плохо. Он, видно, выходил из дома, а когда возвращался, то упал прямо на ступеньках. Слава Богу, что я в это время занималась своими розами и увидела его. Пришлось вызывать врача. Но не пугайтесь так, ему уже лучше.

Элис охнула и посмотрела на Грема. Лицо его ничего не выражало. Он не был ошеломлен или напуган, очевидно, обида на старика так и не прошла.

-Какой ужас! - воскликнула Элис. - Я немедленно побегу к нему.

-Не торопитесь, - остановила ее миссис Фарнсворт. - Я же говорю, что сейчас все в порядке. Вы, наверное, сейчас не слишком близки с вашим папой? Он сказал, что вы вернетесь поздно, но не сказал, где вас можно найти.

-Я... сейчас много работаю, - пролепетала Элис. Она была не готова к таким вопросам, а соседка буквально сверлила ее своими маленькими глазками. - В госпитале много раненых...

-Понимаю, - старушка красноречиво посмотрела на Грема. Взгляд ее говорил, что она догадывается, чем занята мисс Барнхем и почему возвращается домой так поздно. - Но мне кажется, вы уж простите, что я вмешиваюсь не в свое дело, что вам сейчас надо оставить госпиталь и побольше внимания уделять вашему отцу. Он очень нуждается в вас.

Элис вспыхнула и покраснела до корней волос. Никогда ей еще не давали понять, что она легкомысленна и бездушна. В темноте она сжала ладонь Грема в мягкой кожаной перчатке в знак прощания, потому что миссис Фарнсворт все еще смотрела на них, и Элис не могла попрощаться по-другому. Но рука оказалась вялой и безжизненной и не сжала ее руку в ответ.

Элис поспешила к дому, открыла дверь ключом и, оглядываясь через плечо, увидела, удаляющуюся высокую фигуру в черном пальто и высокой шляпе.

В гостиной было темно, и в остальных комнатах тоже, кроме комнаты отца, где горел тусклый свет. Элис скинула шляпку, пальто и вошла в комнату, где не бывала так давно.

Старик лежал на старом диване, до самой груди укрытый клетчатым шерстяным пледом. Половина лица у него посинела, очевидно, он сильно ударился при падении.

Элис никогда не видела его таким жалким и больным. У нее защемило сердце, и к горлу подступили слезы. Оглядев комнату, хоть и просторную, но бедно обставленную, она подумала, что очень плохо следила за ним все это время. Все вокруг было старым, поношенным, грязным. Выцветшие обои кое-где отставали от стены, у одного из окон даже не было занавесок. Конечно, он жил как хотел, но она должна была проявлять к нему больше внимания. Миссис Фарнсворт права - она бездушная и неблагодарная особа! На маленьком столике, вместо книг по садоводству, которые выписывал отец, теперь лежали порошки и лекарства, оставленные доктором.

-Папа! - позвала Элис, и он открыл глаза и улыбнулся ей доброй и жалкой улыбкой. Отец ухватил за ее руку и пожал ее, совсем как она несколько минут назад искала руку Грема. - Папа, что с тобой? Тебе очень плохо? Дать тебе воды?

-Нет, дочка, - голос у него был очень слабый. - Мне ничего не нужно. Я задремал немного. Я очень рад, что ты пришла. Сегодня мне было очень худо и, я боялся, что больше не увижу тебя.

-Ну, как ты можешь говорить такое, папа? - укорила Элис, но тут же опустила глаза. Отец посмотрел на нее, как бы говоря, а что еще я могу говорить, если ты не бываешь дома? - Я ведь всегда прихожу домой, ты знаешь.

-Да, знаю, только мы теперь почти не разговариваем с тобой. Наверное, в этом есть и моя вина. Ты теперь стала совсем чужой, - он провел рукой по нежной щеке. - До чего же ты красивая, дочка!

Старик никогда не говорил с ней так нежно. Элис сразу забыла все неприятности, которые он ей доставил в последнее время, и все грубые слова, что он наговорил. Она была доброй девушкой, и жестокость была ей несвойственна. Элис нежно поцеловала отца и на минуту,

только на минуту, забыла о Греме. Потом они пили чай в его кабинете и вспоминали прежние дни, когда она была еще совсем девчонкой, а он был еще молод и здоров. Элис заботливо уложила его в постель и проследила, чтобы он принял все лекарства, прописанные доктором. Она уже собиралась уйти в свою комнату, когда мистер Барнхем окликнул ее.

-Присядь на минутку, - он показал ей на место рядом с собой. - Я хочу сказать тебе кое-что. Не бойся, я не скажу тебе ничего неприятного.

Элис нехотя повиновалась. Отец взял ее за руку и погладил ее нежные пальцы.

-Мы с тобой не ладили в последнее время, Элис. Я тут подумал... Ты уже совсем взрослая девушка... женщина. Можешь жить, как считаешь нужным. Я больше не скажу тебе ничего грубого и не стану осуждать тебя.

Элис радостно улыбнулась и хотела кинуться ему на шею, но он жестом остановил ее, давая ей понять, что не закончил говорить.

-Об одном прошу тебя. Я хочу, я просто настаиваю, чтобы этот человек не приходил в наш дом. И я ничего не хочу о нем знать. И я также не дам тебе деньги, которые тебе причитаются. Во всяком случае, пока. Я просто не могу пойти на это, пойми. Может быть, если со временем, ты не разочаруешься и будешь по-прежнему настаивать на браке с ним, тогда...

Элис разочарованно вздохнула. В сущности, эта уступка со стороны отца ничего не меняла, это лишь означало, что он не станет больше нападать на нее и изводить ее своими придирками, а этого было недостаточно. Элис нужно было потребовать у него деньги, а она никак не могла на это решиться. Он сказал "со временем", но кто знает, что он имел в виду. Неделю, месяц, год? За это время Грем мог уехать и оставить ее одну, а она уже не представляла себе, как можно жить без него.

И все-таки было приятно, что теперь исчезла враждебность между ней и отцом, которая так мучила ее в последнее время. Отец был сегодня таким ласковым, таким милым!

Идилии суждено было продлиться ровно до той поры, пока мистер Барнхем не узнал, что Элис брала продукты в долг. Он узнал об этом совершенно случайно, от той же миссис Фарнсворт. Она проболталась без всякого злого умысла и, если бы знала, что из-за этого выйдут неприятности, то ни за что не обронила бы в разговоре фразу, о том, что времена сейчас тяжелые, всем приходится быть экономными, вот и Элис, как она видела, брала продукты в долг в лавке Уоллиса.

-Наверное, вы тоже сейчас на мели, - мистер Барнхем смотрел на нее во все глаза, и лицо его выражало крайнюю степень изумления. Поняв, что сболтнула лишнее, миссис Фарнсворт попыталась перевести разговор на другую тему, но старик перебил ее и спросил:

-Что вы такое говорите, миссис Фарнсворт? Элис брала продукты в долг?

-Право, я не заню, - залепетала соседка. - Может быть, я что-то напутала. Наверное, я неправильно поняла...

По ее бегающим глазам и несвязной речи, он понял, что она лжет, и поспешил поскорее отделаться от нее и, так как был только в теплом вязаном жилете и шарфе, обмотанном вокруг шеи, (он выходил за газетами) зашел в дом. Постояв в раздумьи в прихожей, он поспешно надел свое клетчатое заношенное пальто, нацепил на голову шляпу и вышел на улицу.

Мистер Барнхем пришел в лавку к Уоллису и отозвал его для разговора.

Уоллис всегда с большим почтением относившийся к мистеру Барнхему и его дочери, немедленно вышел к нему из-за прилавка. Мистер Барнхем знал его еще прыщавым мальчишкой, помогавшим своему покойному отцу в лавке. Теперь Уоллис, огромный сорокалетний верзила, обрюзгший, с пробивающейся сединой, сам пробирал своих сыновей за нерасторопность, но в его отношении к мистеру Барнхему осталась та же мальчишеская почтительность, что и много лет назад. Он всегда держался очень предупредительно и любезно, и когда старик позвал его на два слова, немедленно отошел с ним в сторону, хотя в лавке было полно покупателей. Уоллис сразу подтвердил, что мисс Элис одолжалась у него.

-Но вам не о чем беспокоиться, мистер Барнхем, - заверил он. - Она делала это всего несколько раз и всегда возвращала долг. Времена сейчас такие, что...

-Как? Она делала это не один раз? - мистер Барнхем был возмущен.

-Всего два или три раза, не больше. В последний раз - в пятницу. Обещала заплатить в понедельник, - Уоллис стоял в ожидании, глядя на своего давнего клиента, не понимая, что он сделал не так.

Мистер Барнхем попросил назвать сумму долга. Уоллис назвал. Старик покопался в своем истертом портмоне и достал несколько смятых бумажек.

-Нет, нет, мистер Барнхем! Не нужно. Я подожду до понедельника.

Но старик посмотрел на него так, что у Уоллиса моментально отпала охота спорить.

-Вот что, молодой человек, - сухо сказал старик и высокомерно вздернул подбородок. - Я человек небогатый, но не настолько, чтобы жить в долг. - Он вложил деньги в огромную лапу Уоллиса и гордо удалился.

В шляпе, надвинутой на самые брови, мистер Барнхем шел домой и глотал злые слезы. Внутри у него все кипело от обиды. Брать в долг он считал самым последним делом. Так делают только опустившиеся, никчемные люди, жалкие и достойные презрения. Он часто видел их в лавке того же Уоллиса. Лавочник кричал на них и требовал оплаты долгов, а эти люди стояли и униженно выпрашивали отсрочку. Мистер Барнхем и сам всегда смотрел на них с некоторым отвращением, и вот теперь... Старик жил скромно, но исключительно по собственному желанию, а вовсе не из бедности.

Вернувшись домой и усевшись в свое любимое кресло, мистер Барнхем стал ждать возвращения дочери. До вечера было далеко, и мысли его неслись одна за другой. Понятно, почему она это сделала, этот прохвост тянет из нее деньги. Получается ровно то, что он, мистер Барнхем, и предполагал. Теперь уже и он оплачивает прихоти этого бездельника. Ведь у Элис попросту не оказалось денег, чтобы расплатиться в лавке, стало быть, она потратила их на это ничтожество, а потом, чтобы не признаваться ему, своему отцу, попросила Уоллеса об отсрочке. Теперь все будут говорить, что мистер Барнхем живет в долг! И это его девочка, всегда такая честная, такая открытая, которая никогда от него ничего не скрывала! Господи, что творится у нее в голове?

Не подозревая, что у нее над головой стугнулись тучи, Элис вернулась домой пораньше, прошла в комнату отца и чмокнула его в щеку. Она была очень неприятно удивлена, что отец не смотрит на нее, а глядит куда-то в стену, и взгляд у него холодный и высокомерный.

-Что с тобой? Тебе нехорошо? - она наклонилась над ним, всматриваясь в его глаза. От нее пахло морозной свежестью и едва ощутимо - мужским одеколоном.

-Я был сегодня в лавке Уоллиса, - медленно сказал мистер Барнхем и, наконец, взглянул ей в глаза. В том, что она сейчас станет лгать, он не сомневался. Но что тут можно сказать? Как оправдаться?

-О! - Элис в растерянности опустилась на маленький диван, покрытый клетчатым пледом. - Папа, я... Знаешь, в этом ведь нет ничего такого. Все люди иногда берут покупки в долг или занимают деньги. В этом нет ничего особенного.

-Почему же ты не сказала мне, если в этом нет ничего особенного, как ты говоришь?

-Не сказала, потому что знала, что ты начнешь ссору, - она попыталась перейти в наступление. Голос ее звучал тверже и убедительнее. - Ну, скажи, пожалуйста, зачем ты все так драматизируешь? Для чего ты пошел в лавку? Я бы отдала долг в понедельник, как мы и договаривались с Уоллисом. Если хочешь знать, так многие делают. Даже миссис Фарнсворт и миссис Бизли, и миссис Пейс, и только ты один видишь в это трагедию! Вот странно!

-Хорошо, допустим. Оставим это пока, - голос старика дрожал от злости, руки беспокойно шарили по коленям. - Но, скажи на милость, почему это случилось?

-Почему?

-Вот именно. Почему тебе пришлось одалживаться?

Напускная уверенность разом слетела с Элис.

-Я... я издержала в этом месяце немного больше денег, чем обычно...

-И куда же ты потратила их?

-Папа! - она с наигранным возмущением вскочила с дивана. – Ну, что за вопросы? Потратила и все. Я уже не помню куда. И перестань меня допрашивать, пожалуйста! Мне двадцать три года, неужели у меня не может быть собственных потребностей? Вот не думала, что должна отчитываться за каждый фунт!

-Ты не отчитывалась, потому что я доверял тебе. Но теперь... - он решительно поднялся с кресла. Элис смотрела на него с испугом. В позе старика было что-то величественное. Что он еще выдумает? Он посмотрел на дочь с презрением и сказал:

-Я, кажется, говорил тебе, что ты уже взрослая женщина и вольна жить, как тебе хочется. С этим я готов смириться. Но я также просил тебя, что бы этот человек не вторгнулся в мою жизнь. Теперь, благодаря тебе, я содержу его на свой счет. Так вот, этого не будет. Я не стану больше давать тебе деньги, и буду заниматься хозяйством сам. Тем более, что от тебя теперь все равно мало толку, ты ведь почти не бываешь дома.

-Папа! - Элис хотелось удержать его. Ну почему он такой упрямый и гордый? Если бы он попытался понять ее хоть немного!

Услышав ее крик, он немедленно обернулся, и лицо его смягчилось. Когда мистер Барнхем заговорил, голос его прозвучал тепло и ласково.

-Дочка! Говорю тебе в последний раз, оставь это. Брось этого... человека, - он хотел сказать «негодяя», но сдержался. - Давай будем жить как прежде, доверяя друг другу. Если ты вернешься домой, я обещаю, что ни разу не попрекну тебя, буду более внимательным и буду давать тебе больше денег. Хочешь, съездим куда-нибудь? А хочешь, поезжай одна. Ради бога! Я, конечно, держал тебя в ежовых рукавицах и был с тобой не слишком ласков. Но я исправлюсь, обещаю. Только брось его, он погубит тебя, неужели ты не понимаешь?

Мистер Барнхем помолчал, надеясь, что его слова передадут ей его страх и беспокойство. Он еще никогда с ней так не говорил, и Элис ужасно хотелось ответить ему согласием, но не потому, что она готова была согласиться, а чтобы не огорчать его, хотя бы из благодарности за его слова и обещания. Но согласиться, значило лгать ему впоследствии, потому что она ни за что не бросит Грема. Вся ее жизнь была теперь там, где был Грем. Попросить ее перестать с ним встречаться, это все равно, что попросить ее перестать дышать. Элис любила отца, но отказаться для него от любви, радостей молодой жизни - это было слишком большой жертвой.

Она отрицательно покачала головой и опустила голову.

-Ну, что ж, - старик пожал плечами. Теперь он выглядел усталым и, на лице его была печать безнадежности. - В таком случае, считай, что отныне мы - чужие люди. Можешь и дальше жить в этом доме, поскольку это и твой дом тоже, но с этого дня мы будем каждый сам по себе. Если ты намерена оплачивать прихоти этого ничтожества, дело твое. Но я - нет.

И старик гордо удалился.

Элис осталась в комнате, не зная что предпринять. Вернуть его и помириться с ним? Это было бесполезно, как бесполезно оказалось их кратковременное перемирие. Ее жизнь изменилась, а он ни как не хотел с этим смириться. Пойти на уступки, значило жить по-старому, а с этим не могла смириться она. Но без помощи отца ей будет совсем тяжело. В госпитале платили ничтожно мало, а Грем не умел себя сдерживать и тратил деньги очень неосмотрительно. И им по-прежнему не на что отпраздновать свадьбу и обвенчаться, негде жить.

Что же теперь делать?

Все это Элис рассказала Грему. Разговор с отцом она, конечно, передала ему в самых общих чертах, чтобы не обидеть его. Она сидела на краешке постели и с волнением следила, как Грем расхаживает по комнате, запустив руки в карманы и бросая на нее хмурые взгляды.

Отец не хочет, чтобы она выходила замуж, и он не только не поможет им, но и перестанет давать ей деньги на домашнее хозяйство.

С каждой минутой лицо Грема становилось все мрачнее. Когда Элис замолчала, он высокомерно усмехнулся и сказал:

-Ну, до чего несносный старикан! - Грем бросил на нее быстрый взгляд. Не оскорбилась ли она? Элис промолчала. - Есть же такие люди, которые так и норовят помешать чужому счастью! Как кому-то хорошо - так им прямо нейдет! Ну, признавайся, Элис, - он подошел к ней и посмотрел на нее сверху, презрительно улыбаясь. - Небось, папаша распекал меня на все лады?

-Ну, что ты! - Элис посмотрела на него с укором.

-Ладно, ладно. Могу себе представить... - Грем задумчиво потер подбородок. - Впрочем, мне плевать. Пусть думает, что хочет. Знаешь, Элис, мне тоже сейчас неудобно жениться. Если бы я не встретил тебя, то уже уехал бы в Сасекс. Собственно, ты знаешь, я так и думал поступить. Я списался с одним приятелем, весьма предприимчивым молодым человеком, и он бы помог мне устроиться там. Но теперь, когда мы вместе... Даже не знаю... Так что пусть твой папаша не считает, что я уж очень ищущу выгоды. Я, знаешь ли, во всем привык полагаться только на себя.

Когда Грем говорил о своих планах, Элис, на деньги которой он жил в последнее время, испытывала острое чувство вины и считала себя чуть ли не обузой. Ей было ужасно неловко, что отец отказался им помочь, и что ее работа приносит так мало денег. А когда Грем неразумно их тратил, она чувствовала себя слишком рассудительной, слишком практичной. Все это привело к тому, что Грем иногда стал говорить с ней немного враждебно. Это было всего несколько раз, но в эти минуты, Элис понимала, что в его отношении к ней уже нет прежнего восторга, которыми он был полон еще несколько недель назад. Это ее немного беспокоило, но не слишком. Все когда-нибудь проходит, и романтические отношения тоже. Зато теперь они стали ближе друг другу и лучше друг друга узнают. Элис теперь видела, что у Грема тоже есть недостатки, что он бывает раздражителен, скучен, но в глазах Элис это не делало его хуже, а лишь усиливало ее любовь. Вот и сейчас, когда Грем говорил так раздраженно, она не сердилась на него. Он был зол, главным образом, потому что его подозревали в корысти. Как ни была Элис деликатна, Грем понял, что мистер Барнхем, считает его пронырой. Старика здесь не было, и это заставляло Грема нападать на Элис.

-Я не собираюсь жить на его деньги! Можешь так и передать ему! Мне чужого не надо. Я сам о себе позабочусь, так и знай... .

Грем еще долго расхаживал по комнате, заложив руки за спину и гневно распиная отца своей невесты, а Элис пыталась найти слова утешения и виновато улыбалась.

Все так запуталось, что она даже стала плохо спать и стала немного замкнутой и мрачной. Это заметили, все, кто ее знал и даже лейтенант Кросли, который пошел на поправку и теперь часто беседовал с ней, если им доводилось побыть наедине. Лейтенант выглядел почти здоровым и ждал, когда его отправят домой. Он сразу заметил, что Элис чем-то угнетена и спросил ее как-то:

-Почему вы такая грустная, Элис? Чем вы так озабочены? - в его голосе было столько тепла и тревоги, что она поняла: он задает эти вопросы не из праздного любопытства.

-Так... - Элис пожала плечами. Она, конечно, не собиралась с ним откровенничать, но его забота была приятна. - Всякие неприятности.

-Могу я помочь вам?- Элис посмотрела на него испуганно и покачала головой. Она подумала, что таким образом он пытается сблизиться с ней, но посмотрев в его чистые ясные глаза, поняла, что в его предложении нет ничего предосудительного и что он заботится о ней скорее как друг. Конечно, она не приняла его помощь и не посвятила его в свои проблемы, но подумала, какой же он добрый, чуткий человек!

Элис даже рассказала Грему о своем любимом пациенте. Грем выслушал ее внимательно и сочувственно покачал головой.

-Бедный парень. Сколько же ему лет?

-Около тридцати.

-Очень жаль беднягу. Ему трудно будет найти работу и пропитание.

-Ну, в этом смысле, жизнь оказалась к нему более благосклонна. Он сын очень состоятельного человека. Его семья проживает в Портсмуте, кажется, на Риджентс-роуд.

-Хм... Когда-то я бывал в этом городе. Это район для жирных богачей!

-Не думаю, что его отец уж очень богатый человек, - немного подумав, сказала Элис, - Но состоятельный - это точно.

-Вот как? - Грег вдруг заговорил о лейтенанте враждебно. - Чего ради ты так сочувствуешь ему, скажи, пожалуйста? Что с того, что он остался без ноги, ведь ему не нужно искать работу. Какая разница как бездельничать, с одной ногой или с двумя?

-Какую ерунду ты говоришь! - возмутилась Элис.

-Ты должна больше думать о таких как мы, а не о тех, кому и так неплохо живется! Я-то думал, это несчастный горемыка, рядовой или сержант какой-нибудь, который остался калеккой, и будет теперь перебиваться на жалкую пенсию. А ты мне говоришь о сыночке богатого папаши. Сиди себе дома и в ус не дуй!

-Как тебе не стыдно, Грем? Какая разница сколько у него денег, если он теперь инвалид? Никогда не думала, что ты можешь говорить такие ужасные вещи. И потом, он герой войны, и заслуживает сочувствия хотя бы поэтому, - Элис разгорячилась и стала одеваться. Грем увидел это и догнал ее у самой двери.

-Вот значит как! Готова поспорить со мной из-за сынка этих богачей? Что ж, понятно! - голос у него был ужасно злой. - Видно, ты поумней меня оказалась. А может быть, он уже вовсю ухлестывает за тобой? - Чтобы она дослушала до конца, Грем крепко держал ее за руку, которую она вырвала, как только смогла.

-Оставь меня в покое!

-Я тебя не держу, милая. Вижу, тебе со мной уже не очень интересно.

Конечно, они помирились в тот же вечер.

Элис побродила немного по городу, а потом вернулась в комнату Грема. Он тоже не нашел себе места и ждал ее на лестнице, и вид у него был ужасно несчастный. Они обнялись и стали просить друг у друга прощения. Грем сказал, что повел себя как идиот. Он сам не знает, зачем напал на этого беднягу? Наверно, просто стал нервным из-за этой чертовой работы, которую никак не может найти.

А Элис сказала, нежно целуя его в губы, что глупо ссориться со своим женихом из-за постороннего мужчины, это кого угодно выведет из себя.

-Давай больше никогда не будем о нем говорить, - сказала она.

-Ну, уж нет! - Грем был сама любезность. - Теперь я из принципа буду каждый день спрашивать о его здоровье.

Элис сидела у него на коленях и думала: "До чего же хорошо, когда ты влюблена! Даже ссоры с любимым приятны! Можно потом просить прощения друг и друга. И Грем выглядит таким раскаявшимся и таким милым".

А главное, Элис увидела, что Грем по-настоящему испугался, что может потерять ее. Какой же он глупый, не смотря на свои сорок лет! Разве она могла бы бросить его из-за такой ерунды?

Чтобы показать, что он исправился, Грем, хотя и не каждый день, но все-таки спрашивал о лейтенанте Кросли. И хотя в его вопросах частенько звучала ирония: "Ну, как дела у нашего подопечного? Все еще кормишь его кашками?", Элис понимала, что так он скрывает свое сму-

щение, и отвечала, что лейтенант Кросли медленно, но верно идет на поправку и скоро, вероятно, отправится домой.

Элис не сказала Грему, что теперь в присутствии лейтенанта чувствовала себя немного неловко. Она видела, что Кросли безумно влюблен в нее. Она знала это и раньше, но теперь, когда он почти выздоровел, трудно было не обращать внимания на его полные обожания взгляды. Лейтенанта по-прежнему никто не навещал и не писал ему писем. Элис застала его однажды, когда он сам писал кому-то, и спросила его деликатно:

-Простите, Джон. Но почему вы никогда не отправляете этих писем?

-Вы заметили? - он засмеялся. У него был такой хороший, мальчишеский смех! Чисто выбритый, в свежем белье, он казался почти здоровым молодым человеком, если бы не пустота под простыней, там, где должна была быть правая нога.

- Все думают, что я только и делаю, что строчу письма своим родственникам, а вы заметили, что я не отправил ни одного. Вы такая внимательная!

-А почему же вы не отправляете их? - Элис сидела на краешке его кровати. Она уже отработала свою смену и собиралась уходить, но решила провести лейтенанта.

Кросли вздохнул.

-Никак не могу найти подходящих слов для моей матери. Все хочу написать так, чтобы не слишком расстраивать ее. Но, как не пытаюсь, новости получаются для нее слишком ужасные. Я, видите ли, единственный сын у моих родителей. То, что со мной произошло, будет для них ударом. Отец - человек сдержанный, он примет все как настоящий мужчина, а мама... - у него чуть дрогнул голос. Видно было, что он очень трепетно относится к своей матери.

-Что же, они не знают, что вы здесь?

-Нет, они ничего не знают. Может быть даже, они думают, что меня уже нет в живых.

-Какие вы мужчины бываете бессердечные! - воскликнула Элис.

Она была взволнована. Ей стало безумно жаль эту милую, наверняка уже немолодую женщину, которая жила в неведении и, наверное, каждый день молила бога послать ей весточку о единственном сыне. - Вы просто бесчувственный эгоист! Самая радостная новость для матери - новость, что ее сын жив!

-Знаю, знаю, - лейтенант снова вздохнул. - Просто не могу найти подходящих слов.

-Но вы могли бы написать свой девушке или невесте.

Джон снова рассмеялся. Он в последнее время часто улыбался, чувствовалось, что он выздоравливает.

-У меня нет девушки и нет невесты. Я был самовлюбленным болваном. Думал, что приду с фронта героем в орденах, закаленным в боях мужчиной, и все девушки будут моими. Я немного присмотрюсь, а потом выберу самую красивую. Вот как я думал. И, конечно, все вышло совсем не так. Впрочем, - он вдруг стал серьезным, - я ни о чем не жалею. Если бы я не попал сюда, я бы не встретил вас.

И он посмотрел на Элис таким глубоким и таким исполненным обожания взглядом, что она поспешила встать и, сославшись на усталость, удалиться.

Элис много раз слышала всевозможные признания и объяснения в любви и относилась к ним с улыбкой. Видя красивую девушку, мужчины теряют голову и болтают разные глупости. Но лейтенант был не таким. Элис видела, что он всерьез влюбился. Впрочем, он почти никогда не говорил, даже намеками, что влюблен. Только сегодня, когда сказал, что ни о чем не жалеет и еще один раз, когда попросил у нее фотографическую карточку на память.

-Хоть самую маленькую, мисс Барнхем. Я сохраню ее на всю жизнь. Буду смотреть на нее, когда мне придется особенно тяжело.

-Не знаю, - с сомнением ответила Элис. - У меня есть один снимок. Я сделала его года два назад. Я принесу ее завтра, если хотите.

Джон Кросли всегда вел себя очень деликатно, но его взгляды, его трепет в ее присутствии смущали Элис. Она решила, что выполнит эту небольшую просьбу и станет избегать его.

Но мысль о бедной матери лейтенанта не давала ей покоя, и узнав по его документам адрес его родителей, Элис сама написала письмо его родителям, по-возможности деликатное, но прямое. Через несколько дней пришел ответ. Письмо было написано твердой мужской рукой.

"Дорогая мисс Барнхем! Мы с женой прочитали ваше письмо и долго плакали, так как уже отчаялись увидеть нашего сына живым. Вы вернули нам надежду. Моя жена хотела ответить вам сама, но она так разволновалась, что вряд ли сможет это сделать сейчас, поэтому вам пишу я..."

Это было в высшей степени трогательное письмо! Мистер Кросли писал, что сам в прошлом военный врач, и хорошо представляет, что пришлось пережить его сыну из-за этого ранения. Он не понимает, почему сын не сообщил им о себе, ведь они могли бы помочь ему и облегчить его страдания.

Через три дня они уже были в госпитале. Элис сразу узнала эту respectable пожилую пару, к тому же Джон Кросли оказался ужасно похож на своего отца. Мистер и миссис Кросли никак не могли найти палату сына и обращались ко всем, кто проходил мимо. Элис подошла к ним, вежливо поздоровалась и сказала:

-Я - Элис Барнхем, сэр. Это я написала вам письмо о вашем сыне Джоне. Я провожу вас к нему.

Кросли оживились и принялись жать ей руки и благодарить ее.

У дверей в палату нервы миссис Кросли сдали, и она заплакала.

-Успокойся, Эмма, - сказал мистер Кросли, - Возьми себя в руки. Ты ведь не станешь мучить его своими слезами. Ему и так тяжело.

-Хорошо, Чарльз, - ответила его супруга, вытирая глаза белым кружевным платочком и стараясь овладеть собой. - Ты, конечно, прав, как всегда. Больше я не пророню ни слезинки, вот увидишь.

Они вошли в палату, где лежало человек двадцать раненых. Миссис Кросли обвела глазами комнату и, увидев сына, слегка покачнулась, но муж поддержал ее за локоть и что-то отрывисто сказал ей. Она улыбнулась и направилась к кровати Джона.

-Джон! Как я рада тебя видеть!

Сидя в полутемной комнате и держа Грема за руку, Элис рассказала, каким трогательным было прощание. Все сестры, санитары и выздоравливающие высыпали на улицу, чтобы проводить семью Кросли, даже доктор Келли выкроил минутку, хотя всегда был ужасно занят. Все пожелали им счастья, здоровья и всего наилучшего. Она сочла за благо не рассказывать Грему, что лейтенант, в шинели, на костылях, уже пытается передвигаться самостоятельно, был очень грустным и все время искал ее взгляда, а потом достал из нагрудного кармана ее фотографию, нежно поцеловал изображение и бережно положил обратно. Больше он не смотрел на нее и ничего не сказал ей на прощание.

-Знаешь, это было так трогательно, я чуть не расплакалась! Только миссис Кросли все немного испортила. Она вдруг отозвала меня в сторонку и стала совать мне деньги. Она была так настойчива и, кажется, искренне огорчилась, когда я отказалась их взять. И я слышала, как мистер Кросли отчитал ее, сказал, что у нее ужасная привычка мерить все деньгами или что-то в этом роде. "Я тебе говорил, что она порядочная девушка и не возьмет денег". А миссис Кросли ответила, что хотела как лучше, и что видно же, что деньги мне не помешают. Они так громко препирались в коридоре, что мне стало неловко. Как ты думаешь, что она имела в виду, когда говорила, что деньги мне не помешают?

-Погоди-ка, - перебил ее Грем, - Ты что, отказалась принять вознаграждение?

-Ну, конечно, милый, я...

- Подожди, - снова перебил он. - Я, наверное, плохо тебя понял. Тебе предложили деньги, а ты отказалась?

- Ну, да, - несколько испуганно подтвердила Элис, почувствовав, что сейчас разыграется одна из тех неприятных сцен, которые все чаще происходили между ними в последнее время. Грем стал очень нервным. "Если бы не твой упрямый папаша - мы бы уже поженились. Что тебе стоило чуточку поднажать на него? Деньги-то - твои!". Денег у него не осталось и, они расходовали все, что зарабатывала Элис. Нужно было платить за комнату и стол. Чтобы найти приличную работу, надо было хорошо выглядеть, и они с Гремом кое-что прикупили для его гардероба. Ничего особенного, но почти двенадцать фунтов улетели в одно мгновение. Потом он встретил хорошего приятеля, посидел с ним в баре и потратил остатки накоплений. Грем, должно быть от неловкости, предпочел совсем не говорить на эту тему. А когда Элис сказала с укоризной:

- О, Грем! - он вдруг взорвался и стал кричать, что он не мальчишка, чтобы его отчитывали за каждый шиллинг. Конечно, потом он извинился, как всегда, но поводов для извинений стало так много, что Элис уже не слушала их. В целом, это был ее прежним Грем, но он переживал непростые времена, и Элис старалась относиться к нему с пониманием. Грем нервничает не из-за работы и не из-за денег, просто ему хочется поскорее пожениться, вот и все. Но оправдывая любимого в душе, Элис стала побаиваться разговаривать с ним на разные темы, потому что многие из них теперь были для Грема болезненны или сердили его. Услышав, что Элис отказалась от денег, Грем вскочил со стула и уставился на нее, гневно сверкая глазами:

- Господи, какая же ты дура, Элис! Даже не представляю, что ты скажешь в свое оправдание.

- С какой стати я должна оправдываться? - возмутилась Элис.

- Ты же знаешь, какое тяжелое у нас положение. Как ты могла так поступить? Чем тебе помешали эти деньги, скажи, пожалуйста? Разве ты не ухаживала за этим лейтенантом, разве не тратила на него время? Что плохого в том, чтобы взять их? Теперь я вижу, что помощи от тебя ни на грош, и даже не знаю, смогу ли я рассчитывать на тебя в будущем. Пока я целыми днями рыскаю в поисках работы, просто с ног сбиваюсь, ты отказываешься от денег, которые тебе сами в руки плывут. Наверное, в тот момент ты совсем не думала обо мне, а думала только, как бы произвести впечатление на лейтенанта и его мамашу. Что ж, поздравляю, они наверняка в восторге от тебя. Только я, я - не в восторге.

Он говорил так резко, и у него было такое злое лицо!

- Что ты сделала для нас с тобой, скажи! Ты только умеешь обниматься да ластиться, как кошка. Отец твой денег нам не дал, а когда я попросил тебя уговорить его, ты отказалась. Взять денежное вознаграждение ты тоже отказалась. Ты такая благородная, такая щепетильная, только ты, пожалуйста, помни, что вот такие и остаются старыми девами.

Элис была подавлена его аргументами, хотя и несправедливыми, но весьма убедительными. Она надеялась, что Грем опомнится и смягчится, но он стоял у окна и даже не смотрел в ее сторону.

- Тебе лучше уйти. Сегодня я не хочу тебя видеть, - сказал он уже спокойным голосом, а потом повернулся и добавил: - И не знаю, захочу ли еще.

Элис пошла к двери с опущенными плечами, точно провинившаяся школьница, все еще надеясь, что он остановит ее и, выходя из комнаты, оглянулась. Грем продолжал стоять, глядя в окно, и свет от уличного фонаря освещал его гордый, точеный профиль.

На улице Элис разрыдалась. Ей было очень обидно и немного страшно. Грем был ужасно несправедлив к ней сегодня. Ведь она работает, и он живет на ее деньги, и при этом уверяет, что она ничего не делает. Элис, конечно, могла бы ему возразить, но тогда он оскорбился бы, и они расстались бы навсегда. Элис уже знала Грема, его характер, его вспыльчивость, и знала,

что лучше не отвечать ему, когда он сердится, даже если он тысячу раз неправ. Потом ему станет стыдно за каждое свое слово, и он пожалеет. Он уже жалеет. Наверняка.

Элис тряслась в холодном трамвае, и ее хорошенькое личико выражало отчаяние.

Что если он не простит ее (в душе она уже признавала себя виноватой), и они расстанутся? Не из-за денег, конечно, но из-за того, что все так неудачно складывается для них. Ведь говорят, что любовь часто не выдерживает испытаний? В себе она была уверена, а вот Грем, пожалуй, любит ее не так сильно.

Потом Элис подумала о деньгах, из-за которых они поссорились. Может, Грем прав, и она ведет слишком уж по-детски. Если отец из своего старческого каприза лишил ее денег, может и в самом деле, следует быть по-настойчивей? Ведь от этих ста фунтов зависит вся ее жизнь! А деньги, что предложила миссис Кросли? Наверное, Грем прав, и надо было взять их. Люди относятся к таким вещам по-разному. Вот мистер Кросли думает, что порядочная девушка не должна брать этих денег, а миссис Кросли думает совершенно иначе. Конечно, ей было бы ужасно стыдно после этого взглянуть в глаза Джону, но ведь она его больше никогда не увидит. И какая разница, что он о ней подумает?

Прохожие смотрели на хорошенькую брюнетку в слезах, бредущую по улице и время от времени вытиравшую слезы рукавом синего поношенного пальто.

По дороге домой, Элис подумала, что нужно поговорить с отцом более решительно и потребовать свои сбережения. Она не может оставаться почтительной дочерью, если он не проявляет элементарного понимания! Сто фунтов могли бы решить все проблемы и открыть ей дорогу в новый счастливый мир. Если теперь она станет более требовательной к отцу, то только потому, что у нее нет другого выхода.

Но дома решительность Элис испарилась. Она застала отца в гостиной, где он пил чай в одиночестве. Элис взглянула на него, он был уже совсем старый, и руки у него мелко дрожали, когда он подносил к губам чашку с чаем. "Я никогда бы не смогла угрожать ему, нет" – подумала Элис, и эта мысль ее огорчила. Грем требует от нее невозможного, чего-то ей несвоейственного, а стало быть, они очень разные люди, и возможно, им не суждено быть вместе.

Элис не спала всю ночь и решила забежать к Грему перед работой. Она просто не представляла, что сможет прожить целый день, не изгладив этой ссоры. Поднявшись на второй этаж маленького особнячка, в котором Грем снимал комнату, Элис постучала в дверь, но ответом была тишина.

Грем не ночевал дома!

Расстроившись еще больше, Элис решила, что опоздает в госпиталь, но дождется его возвращения. Мимо нее несколько раз прошла квартирная хозяйка миссис Фарли. Элис поздоровалась с ней, но в ответ получила только легкий кивок и саркастическую улыбку. Миссис Фарли считала их с Гремом любовниками и подумала, что он бросил Элис. Ей была приятна мысль, что даже таких красивых, молоденьких девушек могут бросить и сделать несчастными. Что касается самого Грема, то миссис Фарли сразу распознала в нем похотливого жеребца! Когда взгляды их встречались, они без слов понимали друг друга. Поэтому однажды утром, когда она пришла сменить ему постельное белье, он, посмотрев на нее весьма красноречиво, молча повалил ее на постель. Миссис Фарли были не нужны ухаживания и романтические слова и поцелуи, и она не стала сопротивляться. Получив друг от друга желаемое, постоялец и домовладелица, так же молча, разошлись по своим делам. Миссис Фарли осталась довольна, и рассчитывала, что подобные встречи повторятся еще не раз. Она норовила почаще попадаться мистеру Стоккеру на глаза и призывно ему улыбалась.

Элис ничего этого не знала и радовалась, что миссис Фарли не гонит ее на улицу.

Грем явился около девяти утра и, поднимаясь по лестнице, весело насвистывал какую-то песенку. При виде Элис лицо его изменилось и приняло упрямое выражение, которое говорило, что он не намерен извиняться и считает себя полностью правым. Грем открыл дверь и

пропустил Элис вперед. Так же молча и не глядя на нее, он стал снимать пальто и шляпу, а Элис стояла у двери, сжимая в руках маленькую дамскую сумочку.

-Грем, - сказала она, пытаясь поймать его взгляд. - Тебе не кажется, что наша ссора зашла слишком далеко?

-А кто виноват, Элис? - холодно спросил он. - Ты и только ты.

-Неужели мы расстанемся из-за такой ерунды? - в голосе у девушки звучала паника. - Грем, ради бога, посмотри на меня! Я так измучилась за эту ночь. Я глаз не сомкнула! Если бы я знала, что тебя это так разозлит, я бы, конечно, взяла эти деньги. Ты, конечно, прав насчет них. Мне не следовало быть такой... щепетильной, как ты сказал. Если бы я могла посоветоваться с тобой, спросить твое мнение, но у меня просто не было времени... Я не подумала... Я...

Элис тщетно пыталась справиться с подступающими слезами. Весь ее вид говорил о том, что она полна раскаяния и сожаления. И Грем, расстроганный ее словами, сразу смягчился.

-Вот ты говоришь, что поступила бы по-другому, так? - он заговорил мягче и, наконец, посмотрел ей в глаза. - А ведь у тебя есть возможность все исправить.

-Правда, Грем? Ты так думаешь? - она перестала всхлипывать и приготовилась слушать его.

-Конечно, - он подошел к ней и милостиво протянул руки. Элис, ободренная, кинулась к нему на шею. Но он расцепил ее руки и усадил ее рядом с собой на кровать. - Подожди. Выслушай меня внимательно. Я тут подумал немного. Ты, конечно, поступила очень глупо. Даже не представляешь, как я был зол на тебя.

-Милый! Но ты ведь больше не сердись, правда? - она смотрела на него с любовью и обожанием.

-Как я могу сердиться на свою маленькую женушку? - Грем всегда называл ее так в шутку, и Элис растаяла от этих слов. - Я подумал, что с того, что они уехали? Ты ведь можешь написать им, не так ли? Написать и попросить денег, которые они сами тебе предлагали. Напишешь, что попала в затруднительное положение и вспомнила о деньгах, которые они тебе предлагали. Если они, как ты говоришь, люди благодарные, они вышлют тебе деньги, вот и все.

Грем был очень доволен собой и смотрел на нее с гордостью. То, что он придумал, казалось ему очень разумным, Элис же сникла, и восторга у нее заметно поубавилось.

-Ну, что такое? - спросил он.

-Но, Грем, - растерянно пролепетала она. - теперь это будет совсем неудобно.

-Почему же? - он зло прищурился, готовясь разбить ее аргументы в пух и прах.

-Да потому что эти люди уехали, и теперь получится, что я выпрашиваю у них деньги. Может быть, они уже забыли про меня и...

-Ну, как знаешь, - тон его снова стал холодным и равнодушным. - Я вижу, ты ничем не хочешь нам помочь. Только и заботишься о том, что скажут другие, да что подумают. Я хочу сказать тебе, что через два дня еду в Сасекс. Один.

-Как? Ты хочешь бросить меня? - в голосе Элис звучал неподдельный ужас.

-Только не надо слез, Элис. Я уже не слишком верю им, если говорить откровенно. Ты только и можешь что плакать, а как дойдет до дела, так тебя и нет.

И вдруг добавил совершенно не к месту:

-Ты даже спать со мной не хочешь. Дразнишь меня как мальчишку. Если бы ты была такой порядочной, как говоришь, ты бы меня к себе совсем не подпускала, не разрешила бы мне делать кое-какие вещи с тобой... Ты просто все продумала и держишь меня на коротком поводке.

-О, Грем, как ты несправедлив! - Элис была унижена и раздавлена, - Разве не ты не говорил, что нужно только не заходить слишком далеко, разве не уговаривал меня довериться тебе?

Ответ был жесткий и короткий.

-Девушка в таких вопросах не должна доверять никому! Впрочем, живи, как считаешь нужным. На днях я уеду. Попробую найти работу в другом месте. Если все выгорит, я пришлю тебе письмо и вызову к себе. Если нет, то ты вольна делать все, что тебе заблагорассудится. Только позволь дать тебе совет - в следующий раз не подпускай мужчину к себе так близко. Он может оказаться не таким терпеливым и порядочным как я.

Грем ходил по комнате, засунув руки в карманы и глядя в пол. Голос его был равнодушным и невыразительным. Он еще был здесь, но Элис уже чувствовала себя одинокой. Если он уедет, она навсегда потеряет его. Грем нравился женщинам, такой уж он был. В другом городе, наверняка, найдется девушка, которая даст ему все, что он захочет. Нет, Элис не могла это допустить.

-Хорошо, Грем, - в голосе ее звенела решимость, - Я напишу это письмо, попрошу Кросли выслать мне денег. Я сделаю все, что ты скажешь. Правда. Я сегодня же поговорю с отцом и заставлю его отдать мне мои деньги. Только скажи, ты не уедешь без меня?

Этих слов оказалось достаточно, чтобы он мгновенно изменился и из чужого, холодного человека превратился в ее любимого Грема.

-Детка, детка! - сказал он, обнимая ее и целуя в голову точно маленькую девочку. - Неужели ты думаешь, что мне легко будет расстаться с тобой? Особенно теперь, когда мы уже почти муж и жена? Я не хочу никуда уезжать без тебя! Поверь, для меня это было бы слишком тяжело, но иногда ты бываешь такой упрямой и совсем не хочешь мне помочь. А ведь я не требую от тебя ничего предосудительного, ничего постыдного...

Элис написала миссис Кросли чувствительное письмо. Грем был тут же, расхаживал по комнате, заложив руки в карманы, и давал ей советы, что следует написать, чтобы вызвать к себе побольше жалости. Он был деловит, бодр, и уже потирал руки, рассчитывая на крупную сумму.

А Элис каждое слово давалось с трудом. Ей было ужасно стыдно. Она еще никогда и ни у кого не выпрашивала денег, и ей казалось, что она совершает нечто до крайности унижительное. Она кивала Грему, но не слушала его советы и написала письмо, сдержанное и вежливое, без заискивающего тона и жалобных слов. Грем не заглядывал ей через плечо, был уверен, что она сделает все, как он говорит.

-И напиши, что ты осталась совсем одна, что ты в отчаянии, и что тебе не у кого попросить помощи...

-Послушай, милый, - Элис вдруг повернулась к нему и сказала решительным тоном. - Пообещай мне одну вещь.

-Конечно! - Грем уставился на нее, удивленный тем, что она, по-видимому, его не слушала.

-Пообещай, что как только мы получим деньги - сразу же поженимся. Не станем больше откладывать. И если отец вернет мне мои сто фунтов, мы снимем комнату и станем жить вместе.

-Ну, разумеется! - он опустился перед ней на колени и, взяв ее за руки, поцеловал ее пальцы. - Как ты можешь сомневаться? Для чего же я, по-твоему, все это затеял? Не думай, что я не хочу. Очень даже хочу.

Элис вздохнула и запечатала письмо в конверт, чтобы бросить его в почтовый ящик по пути в госпиталь.

Миссис Кросли выслала деньги незамедлительно. В конверте оказалось пятьдесят фунтов. Грем был слегка разочарован.

-По правде говоря, детка, я думал, что они окажутся более щедрыми, - он пересчитал купюры и спрятал их в боковой карман. - Могли бы раскошиться и не жадничать, - Но в целом он был очень доволен. Теперь у них есть деньги и немалые.

Элис окончательно рассорилась с отцом и набравшись храбрости, сообщила ему, что если не получит своих денег, то обратиться к адвокату, и его притянут к суду. После этих слов мистер Барнхем посмотрел на свою дочь другими глазами. Сперва он опешил и переспросил:

-Ты что же, угрожаешь мне судом? Мне, твоему отцу?!

-А что прикажешь мне делать, если от этих денег зависит моя дальнейшая жизнь?

-Может быть, ты попросишь своего разлюбезного... уж не знаю, как там его...

-Грем, папа, его зовут Грем! Я тебе тысячу раз говорила!

-Так может быть, ты попросишь его пойти поработать?

-Довольно, папа! Это бесполезный разговор. - Элис старалась быть непреклонной. - Мне нужны мои деньги.

-Вот значит как, - мистер Барнхем с трудом поднялся со своего кресла и подошел к дочери. - Решила, значит, засудить родного отца. Ну, что ж, я не дам тебе так опозорить меня на старости лет. Ты получишь свои деньги. Немедленно. Но сначала я бы хотел сделать кое-что, чтобы ты запомнила это, как родительское благословение... - и он размахнулся и вlepил Элис пощечину такой силы, что у нее зазвенело в голове. И потом посмотрел на нее с отвращением, и смотрел на нее только так, пока Элис Барнхем навсегда не покинула родной дом.

Зато теперь у Грема в кармане было уже сто пятьдесят фунтов. Он был доволен и весел. Настроение у него заметно улучшилось. И он с удовольствием сводил Элис на какое-то вечернее представление. Потом они поужинали в маленьком ресторанчике с забавной вывеской. Грем клялся, что здесь кормят очень вкусно и дешево. А Элис, глядя, как он достает деньги из кармана и без всякой жалости платит ими за билеты, за ужин, за коробку конфет, за новый жилет для себя, не получала от этих покупок ни малейшего удовольствия.

В конце ноября миссис Кросли прислала Элис письмо самого неутешительного содержания. Она писала, что дела идут плохо и что ей больше не к кому обратиться.

"С тех пор, как мы вернулись домой, все было как будто хорошо, и Джон был рад, что снова находится дома среди родных. Но через некоторое время я заметила (знаете, матери всегда тонко чувствуют такие вещи) что он изменился, перестал ужинать с нами вместе, стал очень замкнутым и малоразговорчивым. Знаете, мисс Барнхем, прежде, у него было очень много друзей, но он никого из них не захотел видеть. Он все время сидел у себя в комнате и выходил только в случае крайней надобности. Я пыталась с ним поговорить, но он только отмахивался. Мистер Кросли тоже не имел успеха. Джон не хочет нас слушать. Единственная тема, которая затрагивает его или интересует хоть немного - это госпиталь и вы, мисс Барнхем. Когда он говорит о вас - голос у него теплеет, и он становится не таким замкнутым, не таким отчужденным. Не знаю, как это объяснить, но это так. Я бы не стала вас беспокоить, но вчера произошло событие, которое меня страшно напугало. Муж случайно заглянул к нему в комнату и увидел, что Джон пытается застрелиться! Мистер Кросли помешал ему, конечно, но мой бедный сын все-таки успел произвести выстрел. Пуля только слегка задела плечо, но когда ему делали перевязку, лицо его было полно мрачной решимости. Мы все уверены, что он попытается сделать это снова, и вполне возможно (мне даже страшно об этом думать!) следующая попытка будет небезуспешной.

Мисс Барнхем! Прошу вас, не считайте меня навязчивой. Когда-нибудь у вас будут свои дети, и вы поймете, на что способна мать ради своего ребенка. Впрочем, уверена, вы и сейчас поймете, ведь вы так добры и великодушны. Вы писали, что у вас денежные затруднения и, я подумала, что, может быть, вы согласитесь поработать у нас сиделкой хотя бы некоторое время. Может быть, при вас он не станет думать о смерти и снова станет прежним Джоном, которого мы все так любим? Вчера вечером я случайно увидела, что он разговаривает с вашей фотографией, и мне показалось, что он плачет. Мне кажется, мисс Барнхем, он нашел в вас некую внутреннюю опору, которая помогла ему перенести все испытания в госпитале. Умоляю,

примите мое предложение и помогите ему еще раз. Вы пробудете в нашем доме ровно столько, сколько пожелаете. Уверяю вас, вы ни в чем не будете знать отказа.

Прошу вас, напишите мне сразу же ответ, что бы я знала, что могу рассчитывать на вас и ваше великодушие. Я также посылаю вам мою визитную карточку с адресом и деньги на дорогу".

Элис прочитала это письмо и сильно огорчилась. Ей было жаль эту несчастную женщину. По всему было видно, что миссис Кросли очень добра и не заслуживает таких страданий. Элис представила в каком страхе она живет и искренне пожалела ее. Но еще больше ей было жаль бедного лейтенанта, который, по-видимому, никак не мог смириться со своим новым положением.

Если бы она не показала это письмо Грему, то вероятнее всего, отправила бы обратно деньги и вежливый отказ. Сама Элис не из чего не умела извлекать выгоду, она лишь огорчилась из-за этого письма и естественно дала прочитать его Грему. Он пробежал письмо глазами и немедленно за него зацепился.

-Слушай, малышка, а ведь это очень кстати, - он уставился себе под ноги, что-то быстро обдумывая.

-Что кстати?

-Как что? Это предложение, - разговор происходил на улице, было уже довольно холодно, и Элис хотела поскорее заскочить в теплый подъезд, но Грем удержал ее. - Мы могли бы снять там комнату, ты бы работала у этих...

-Кросли, - подсказала Элис, подпрыгивая на месте, ноги у нее совсем заоченели от холода.

-Вот именно. Кросли. Нет, правда, - сказал Грем, все больше воодушевляясь. - Ты будешь получать хорошую оплату, я тоже найду работу. Отправимся в Портсмут и будем жить, как мечтали.

-Совсем неудачная идея, - сказала Элис, пытаясь согреться в движении.

-Почему же? - улыбка сошла с лица Грема.

-О, Грем, только не злись, пожалуйста! Я тебе все объясню. Лейтенант взрослый человек, и ему не нужна сиделка, понимаешь? Допустим, я пробуду у них месяц. А потом они рассчитают меня, и что мы тогда станем делать? Здесь, по крайней мере, у меня есть работа. И я не могу уехать в Портсмут, я должна хотя бы изредка навещать отца.

-Ладно, пойдем, - Грем сразу стал вялым, как бывало всегда, когда выходило не так, как ему хотелось.

Грем постоял у двери что-то обдумывая.

-Знаешь, я тут подумал, пока ты будешь работать у этих Кросли, я попробую найти тебе какого-нибудь старичка или старушку в этом районе, а когда ты рассчитаешься, они дадут тебе хорошую рекомендацию, чтобы ты легко получила место. И потом, ты забываешь, что я в это время тоже не буду сидеть сложа руки. Найду работу, пусть и не очень доходную...

"Что же тебе помешало это сделать до сих пор?" - подумала Элис, пока он открывал дверь ключом.

-Нет-нет, - говрил Грем, - Поверь мне, это очень хорошая идея. Если хочешь знать, я даже считаю, что нам повезло. Такой случай представляется раз в жизни, - Грем уже прошел в комнату, а Элис все еще стояла у двери. Ей ужасно не хотелось говорить о лейтенанте Кросли, тем более с Гремом. Она вообще заметила, что появилось много тем, которые она уже ни за что не стала бы с ним обсуждать.

-Хватит нам торчать в этой дыре. Этот город мне осточертел. Здесь меня преследуют сплошные неудачи, - поймав возмущенный взгляд Элис, Грем тотчас поправился, - разумеется, если не считать нашу с тобой встречу, детка. Ну, что ты застряла в дверях? Раздевайся же.

-Ты не все знаешь. Прочти письмо миссис Кросли еще раз. Неужели ты ничего не понял?

-Зачем мне читать его еще раз? Если тебе есть что сказать - говори.

-Он просто влюблен в меня, понимаешь?

Грем посмотрел на нее очень внимательно и взял из ее рук письмо. Быстро пробежав его глазами, он сказал:

-Пожалуй ты права, Элис. Что же, между вами что-то было? Он приставал к тебе? - в голосе Грема теперь слышались нотки ревности.

-Как тебе не стыдно, Грем! Прекрати, пожалуйста! Разве ты забыл при каких обстоятельствах мы с ним познакомились? Он перенес две тяжелейшие операции, во время которых был между жизнью и смертью! Ему два раза отнимали ногу! А знаешь, Грем, что такое ампутация? Я могу рассказать тебе, чтобы ты не вздумал фантазировать на тему приставаний!

-Хорошо, хорошо! - Грег поднял руки, показывая, что сдается. - Ты меня убедила. Не будем больше говорить об этом. Давай пить чай, я ужасно продрог.

Они пили чай с молоком, как любил Грем. Чай с молоком Элис не слишком нравился, но теперь она делала многое из того, что не нравилось ей, зато нравилось Грему. Это ее не очень беспокоило. Это значит быть с мужчиной. Так она думала. Раньше она была сама по себе, а теперь у нее есть любимый. Многое нужно будет поменять, ко многому приспособиться. Мужчины лучше разбираются в жизни. Правда, она немного лгала себе, когда говорила, что Грем человек практичный. От ста пятидесяти фунтов, которые казались ей очень крупной суммой, осталось только восемьдесят, а ведь прошло всего две недели. Если так пойдет и дальше, то они снова окажутся на мели. Элис получала в госпитале за тяжелый труд всего пять фунтов в неделю. Этого было недостаточно, чтобы Грем оставался в хорошем настроении. А Грем без денег - это нервный, вечно недовольный и раздражительный человек. То, что он может в любой момент бросить ее, она уже поняла, как, впрочем и то, что Грем или любит ее не очень сильно или... не любит вовсе. Но, странное дело, это открытие вовсе не сделало его менее привлекательным в глазах Элис. Напротив! Ей теперь хотелось удержать его любой ценой. Вся беда в том, что они все еще не были женаты. Как только они обвенчаются, Грем сразу изменится, ведь она станет не просто возлюбленной, а женой, и он уже не сможет бросить ее из-за пустяковой ссоры. Постепенно, с большим тактом, она будет стараться приучить его бережно относиться к деньгам и научит его ограничивать свои потребности. Так рассуждала про себя добрая и наивная Элис.

Они пили чай и ворковали. Грем кормил ее пирожными, которые купил в кондитерской в центре города.

-Какая ты сегодня красивая, детка, - восхищенно говорил Грем, глядя ей в глаза и слизывая остатки воздушного крема с ее пальчиков, - У тебя такой жаркий румянец! Ты похожа на фею! Я сегодня заметил, мужчины с тебя глаз не сводят, а ты выбрала меня! Я ужасно счастлив.

Грем бывал иногда таким романтичным и милым! Он умел говорить такие приятные слова! Элис слышала комплименты тысячу раз, но никто не умел говорить их, так как Грем, задевать струны ее души...

В такие моменты Элис забывала все, его раздражительность, его грубость, его расточительность. Она все ему прощала за несколько ласковых слов и поцелуев.

-Знаешь, дорогая, нам все-таки надо подумать о будущем. Я никак не могу забыть этого письма.

-О,Грем, ведь мы, кажется, решили больше не говорить об этом?

-Как хочешь, но я считаю, что нам надо попробовать, - Грем посадил ее к себе на колени и крепко обнял. - Ты просто примешь ее предложение и заработаешь немного денег. Вот и все.

-Но ведь он будет надеяться. Мне будет ужасно неловко, когда он узнает, что я замужем. И это может разбить ему сердце.

-Ты могла бы подойти к этому вопросу более деликатно. Не надо говорить им, что у тебя есть муж. Тебе вообще ничего не надо говорить им о себе, а тем более обо мне. Я буду снимать

комнату, ты будешь возвращаться домой и мы будем жить как настоящие муж и жена. А потом, когда твоя помощь будет ему не нужна и они рассчитают тебя, мы что-нибудь придумаем. Поработаешь в красивом доме, помотришь, как живут богатые люди. А что, если этот парень и правда покончит с собой? Что ты на это скажешь? Разве тебе его не жалко? Ты говоришь, он герой и все такое... Почему же ты не хочешь помочь ему? И как ты откажешь его матери? Она написала такое хорошее доброе письмо и так умоляла тебя. Что же, напишешь ей, что ты немного занята?

Грем умел убеждать, особенно, когда говорил ласково и спокойно. И Элис, в конце концов согласилась, что предложение миссис Кросли стоит принять.

Через несколько дней они обвенчались. Так как у них не было ни друзей, ни знакомых, церемония была очень скромная. Только жених, невеста и священник. Священник обвенчал их, попросил их обменяться кольцами и поцеловаться. А потом пожелал им всяческих благ и многочисленного потомства.

Они накупили фруктов и шампанского и поднялись в его комнату, чтобы не выходить оттуда до самого вечера. В этот день Элис была необыкновенно хороша! Особенно глаза, излучающие мягкий нежный свет и улыбка, робкая и немного стыдливая. Грэм так и сказал ей, что никогда в жизни не видел более красивой невесты.

Сам он был теперь необыкновенно бодр и энергичен. В кармане его свадебного костюма уже лежали два билета на поезд, и Грем говорил своей молоденькой жене, что это удивительный город и что ей там понравится. К тому же, в Портсмуте ему будет легче найти с работу. Не то что здесь, в Баземптоне, где он уже попросту начал терять надежду.

-Мы заживем на славу! Вот увидишь! Будем работать, накопим денег, снимем дом, заведем друзей. Я уверен, нас ждут счастливые дни, дорогая!

Оставалось одно, последнее дело, которое касалось только Элис и портило общее радостное впечатление. Нужно было забрать свои вещи и попрощаться с отцом. При мысли об этом, у Элис становилось гадко на душе. Прощаться с отцом было теперь не так-то просто. Когда она приходила домой, он немедленно поднимался из своего кресла и демонстративно уходил в свою комнату, показывая, что не хочет не только говорить с ней, но и видеть ее. Отец не здоровался с ней, не отвечал на ее вопросы и смотрел на нее так презрительно и с таким отвращением, точно она была самой гадкой, самой отвратительной женщиной на свете.

Элис решила написать отцу длинное письмо, в котором попыталась все объяснить.

Грэм поцеловал ее в макушку и пошел прогуляться, чтобы оставить ее одну. Это было очень деликатно с его стороны.

Разложив перед собой перо и бумагу, Элис долго думала и действительно накатала целое послание, в котором извинения и просьбы о прощении сменялись упреками. Письмо вышло очень длинным и путанным. Затем Элис вспомнила презрительное лицо своего отца и подумала, что это послание вообще не имеет смысла. Отец, наверняка, не станет его читать, а если и прочитает, то все равно, останется при своем мнении. После долгих раздумий, она написала совсем короткое письмо, в котором сообщала, что вышла замуж и уезжает жить в другой город, где ей предложили работу. Она писала, что сожалеет, о том, что все так получилось и обещала выслать ему свой новый адрес, после того как устроится на новом месте. И подписалась: "Любящая тебя Элис" Ей хотелось, чтобы отец знал, что она продолжает любить его, ни смотря ни на что.

Собрав вещи и стоя с большим чемоданом в руках, Элис с тоской смотрела на дверь в комнату отца, откуда не доносилось ни звука. Она оставила белый листок на старом столе в гостиной, зная, что вечером он выйдет ужинать и непременно увидит его. Может, так даже лучше. Может быть, когда он останется один и прочитает ее письмо, у него не будет этого презрительного выражения лица, и может быть, он пожалеет о ней. Элис вздохнула, в последний раз огляделась вокруг и решительно покинула родной дом.

По сравнению с Баземптоном, Портсмут показался Элис огромным. И вокруг было так много людей, что она даже слегка затосковала, с тревогой сжимая руку Грема и теснее прижимаясь к его плечу. А Грем, напротив, был чрезвычайно доволен. Во-первых, сказал он, ему уже приходилось бывать в этом городе и даже жить здесь. Во-вторых, он вообще любил смену обстановки. Перемена места жительства всегда бодрила его. И Элис, слушая его, потихоньку вздохнула. В этом они были совсем непохожи. Она любила постоянство, и расстаться со своим городом, где она знала каждую улицу, ей было тяжело.

Зато теперь она, наконец, чувствовала себя замужней дамой, которая приехала сюда с мужем начинать новую жизнь.

Дом, в котором Грем снял квартиру, был, конечно, далековато от Риджентс, но зато он был такой чистенький и уютный! И домовладелица, миссис Фарелл, оказалась очень милой и дружелюбной, не то, что мисс Фарли в Баземптоне. Правда, их квартира состояла только из спальни, маленькой кухни и ванной, но ведь им больше ничего и не требовалось. К тому же, Грем сказал, что они будут редко сидеть дома и часто выходить в город по вечерам. Ведь зарплата Элис, целых двадцать фунтов в неделю! позволяла им теперь жить так, как они и мечтать не могли. Грем тоже был счастлив и доволен. Здесь ему нравилось гораздо больше, чем в Баземптоне. Это город больших возможностей, так он сказал. Он мигом найдет себе работу по душе и постарается зарабатывать не меньше своей милой женушки. Он стал заметно веселее и спокойнее. Ушли мрачное настроение и раздражительность. И Элис еще раз убедилась, что Грем часто бывает прав, и надо более охотно слушать его.

Теперь ей предстояло встретиться с супругами Кросли и с их несчастным сыном.

Утром Элис надела свою самую лучшую блузку, белую, с высоким воротничком и пышными рукавами, и темную юбку из плотной ткани. Этот наряд должен был показать, что она знает свое место и понимает, чего от нее ждут. Все-таки она была нанята в качестве сиделки, а не подруги лейтенанта Кросли. Однако, посмотревшись в зеркало платяного шкафа, Элис пришла к выводу, что этот туалет ей чрезвычайно к лицу и делает ее похожей на школьную учительницу. Белая блузка оттеняла нежный цвет лица и гармонировала с темными, почти черными волосами. Чтобы не выглядеть слишком строго, она выпустила из аккуратно забранных волос несколько локонов около высокого лба. Теперь отражение показалось ей более живым и волнующим. "Неужели я так тщательно наряжаюсь для Джона Кросли?" - спросила она себя и рассмеялась вслух, потому что, скорее, хотела понравиться его родителям и произвести благоприятное впечатление на них.

Выходя из спальни, Элис бросила взгляд на большую деревянную кровать и слегка покраснела. Грем был таким страстным этой ночью! Они уснули только по утрам, обессиленные и счастливые. Став мужем и женой, они могли наслаждаться друг другом в полной мере! Волнующие ощущения пронеслись в ее памяти и, она подумала, что будет с нетерпением ждать следующей ночи.

Элис прошла в маленькую кухню, выпила чашку чая и взглянув на маленькие часики (подарок Грема к свадьбе), решила выйти из дому заблаговременно. Чувствуя себя настоящей хозяйкой, она окинула взглядом свои владения и вышла на улицу. Грем вышел раньше, чтобы прогуляться и купить свежие газеты. Он был всерьез намерен заняться поисками работы. Так что они попрощались, еще когда она одевалась. Он пожелал ей удачи и, конечно, стал целовать ее и попытался раздеть, но Элис, смеясь, оттолкнула его и велела держать себя в руках. Грем нежно поцеловал ее в висок и прошептал на ухо, что следующая ночь будет еще лучше.

Элис без труда добралась до Риджентс, так как это была самая известная улица в городе и, судя по колоннам и цветникам, здесь жили только богатые или очень состоятельные люди. Особняк Кросли тоже оказался очень красивым, хотя и не самым большим.

Слегка волнуясь, Элис позвонила в дверь, и ей почти через секунду открыла горничная в униформе, очень вежливая и предупредительная. Она приняла у Элис пальто и хотела прово-

дить ее к миссис Кросли, но не успела этого сделать, потому что в холл вышли и сама миссис Кросли, и ее муж. Затем послышался стук костылей, и показался сам Джон Кросли.

Все трое радостно улыбались и жали ей руки. Миссис Кросли, такая же элегантная, в скромном темном платье из тяжелого шелка, светилась радостью и не переставала благодарить Элис за доброту, видимо, возлагая на ее приезд большие надежды. Не смотря на красивый наряд и элегантность, лицо ее было измождено и было заметно, что улыбаться она начала только сейчас. Мистер Кросли был более сдержан, но тоже весьма дружелюбен. Он спросил, хорошо ли Элис доехала и быстро ли нашла их дом. Но самым счастливым было лицо лейтенанта Кросли. Он смотрел на Элис, не отрываясь, и как будто не верил своим глазам. Протянув ей руку для приветствия, лейтенант улыбнулся и сказал, заметно волнуясь:

-Как я рад видеть вас, мисс Барнхем! Я был уверен, что больше не увижу вас никогда.

Кросли был в штатском, в серой куртке, накинутой на плечи и в коротких бриджах такого же серого цвета. В одежде Джона была заметна легкая небрежность, которая отличает всех богатых людей. Элис мысленно сравнила его с Гремом, который любил все яркое, бросающееся в глаза: цветные жилеты, брелоки, цепочки - все это доставляло ему огромное удовольствие и, увы, наносило существенный урон их скромному бюджету.

Элис вынуждена была признать, что если бы не отсутствие ноги, лейтенант Кросли мог бы считаться настоящим красавцем. Она как-то не замечала этого в госпитале, но он был очень симпатичным мужчиной. Русые волосы, немного вьющиеся, чистые карие глаза, короткий, но правильный нос, волевой подбородок, но самое главное в нем была та сдержанная мужественность и сила, которая отличает решительных и прямых людей.

-Мисс Барнхем, - весело сказал мистер Кросли, - позвольте я предложу вам свою руку и провожу вас в гостиную. Давненько я не держал под руку хорошенькую девушку!

-Ах ты, старый ловелас! - рассмеялась миссис Кросли и шутливо хлопнула его платком по плечу. - Идемте пить чай. Вы уже завтракали, мисс Барнхем? Ничего в вашем возрасте можно кушать все, что захочется. К тому же вы такая худенькая! В наше время были в моде девушки поплотнее.

-Толстухи! - фыркнул мистер Кросли. - Не слушайте ее, милочка. Она говорит это от зависти.

Это были премилые люди, и они так просто держались, что Элис чувствовала себя почти как дома. Ее только смущали глаза Джона, следившие за ней неотступно. За чаем все расспрашивали, как она устроилась, и Элис рассказала все как есть, за исключением одного. Она умолчала о своем муже.

-Мисс Барнхем... Элис... разве вы не собирались замуж? - с надеждой спросил Джон.

-Нет... я... э... решила, что мне еще рано жить семейной жизнью, - Элис слегка покраснела, как краснела всегда, когда была вынуждена говорить неправду.

-Как странно! - удивилась миссис Кросли, -По-моему, вы как раз созрели для замужества. Вам ведь двадцать... два?

-Двадцать три.

- Тем более! Я вышла замуж, когда мне было девятнадцать. Впрочем, сейчас другие времена. Все переменялось и стало совсем не так как раньше, - последнее замечание она произнесла с грустью. - Значит, вы теперь просто помолвлены?

-Мама! - сердито сказал Джон Кросли. - Ты задаешь слишком много вопросов. Мисс Барнхем уже места себе не находит.

-В самом деле, Эмма, - поддержал его отец. - Ты всегда во все вмешиваешься и тебе вечно все нужно знать! Лучше вставай и пойдем прогуляемся. Погода замечательная, не правда ли, мисс Барнхем? Как там, снаружи, не слишком свежо?

-Чудесно! - ответила Элис, весьма довольная, что разговор на щекотливую тему прекратился.

Супруги Кросли ушли, и горничная принялась убирать со стола. Джон пригласил Элис к себе в комнату.

-Надо же нам, наконец, поговорить. Не так ли? Старые болтуны мне слово не дали сказать. А ведь нам есть что вспомнить.

Джон показал ей дом, подробно рассказывая о каждой комнате. Передвигался он с трудом, и его лицо краснело от усилий. Элис старалась идти как можно медленнее, чтобы не заставлять его лишней раз напрягаться. Комната Джона оказалась очень просторной, с высокими потолками, но весьма аскетичной. Сказывался военный характер и отсутствие тяги к излишнему комфорту. Кровать, кресло, письменный стол, шкаф с книгами, ничего лишнего, и все на своих местах.

Элис помогла ему сесть в кресло и налила стакан воды из графина, стоявшего на столе.

-Я немного устал, - сказал Кросли, оправдываясь и тяжело дыша. - Я теперь не слишком галантный кавалер, Элис, мало двигаюсь и быстро устаю.

-Вы просто не привыкли к костылям, - Элис снова почувствовала себя медицинской сестрой. - Руки у вас пока еще слабые. Через несколько месяцев вы будете гораздо выносливее. Мы с вами будем выходить на улицу, заходить во все подряд кондитерские и кофейни. Я ужасно люблю сладкое!

-О! Вы, как я вижу, решили взяться за меня всерьез!

-А вы разве против?

-Что вы, я очень рад.

Элис было очень легко общаться с ним, шутить и иногда даже поддразнивать его. Она видела в нем только раненного из госпиталя, покалеченного войной человека, который пытается приспособиться к новым обстоятельствам. Элис повидала много таких людей и много раз им помогала. Но когда Джон попросил ее сесть к нему поближе, она растерялась и чуточку испугалась.

-А теперь серьезно, Элис. Что вас заставило приехать? Деньги? - он посмотрел на нее свои прямым, открытым взглядом, и Элис не смогла солгать ему и кивнула.

-В первую очередь, деньги. Но я еще ужасно обрадовалась, что смогу увидеть вас снова, потому что, когда вы уехали, я поняла, что ужасно к вам привязалась. Мне приятно видеть вас, Джон.

Кросли был слегка огорчен ее ответом.

-Мы поступили ужасно, воспользовались вашими затруднениями, чтобы вы приехали сюда и развлекали меня. Моя мать считает, что это может доставить мне удовольствие, - он горько усмехнулся. - Она готова достать с неба луну, только чтобы я веселился и хохотал до упаду. Так, по ее мнению, выглядят счастливые молодые люди. Я не запрещал ей позвать вас сюда. Я был уверен, что вы откажетесь. Но когда вы согласились, у меня была маленькая надежда, что может быть дело не в деньгах... может быть, вы не можете забыть...

-Я же сказала, дело не только в деньгах, Джон. Я могла бы солгать вам, но просто не представляю, как можно лгать такому человеку как вы. Я... поссорилась со своим отцом, и в последнее время мне пришлось жить самостоятельно. Конечно, у меня возникли финансовые затруднения. А тут ваша мама прислала письмо и пригласила меня. Не знаю чему я обрадовалась в тот момент больше, тому что это возможность заработать или тому, что я смогу повидаться с вами. Не задавайте мне больше этот вопрос, прошу вас. Мне слишком неловко на него отвечать.

-Хорошо, Элис, - он выглядел уже не таким мрачным. - Я только хочу сказать вам, что по какой бы причине вы не приехали - я счастлив. И очень вам благодарен. Вы будете находиться здесь столько, сколько сочтете нужным. Но прошу вас, как только вы решите, что вам больше не хочется быть здесь - скажите мне честно, и я отпущу вас без лишних слов.

-Согласна, - с улыбкой ответила Элис. - Но тогда и вы пообещайте, что как только поймете, что моя помощь вам больше не нужна - скажите мне об этом, и я сразу уеду. Идет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.